

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

М. Д. ЧЕНТИЕВА

ИСТОРИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Х. Д. ОШАЕВА

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Нестеровская
Славянская библиотека

12631

Особенно ценны лингвистические труды по кавказским языкам А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Н. Ф. Яковлева, А. Н. Генко, Л. Н. Жиркова, Ю. Д. Дешериева, Е. А. Бокарева и других.

В настоящее время изучение коренных кавказских языков широко поставлено в лингвистических институтах республик и областей, расположенных на Кавказе, а также в лингвистических учреждениях Москвы и Ленинграда.

Надо отметить, что хорошо изучена группа картвельских языков, языков очень древней культуры (грузинская письменность восходит к IV—V векам нашей эры).

Значительно слабее изучены остальные коренные кавказские языки, особенно языки небольших национальностей Дагестана и вайнахская (чечено-ингушская) группа.

Изучение коренных кавказских языков затрудняется тем, что среди основных народов Кавказа только грузины — народ с древнейшей письменностью и культурой, а остальные народы младописьменные.

Таким образом, до сих пор еще не все коренные кавказские языки описаны. Нет сравнительных грамматик и этимологических словарей этих языков.

Коренные языки Кавказа грузинские лингвисты А. С. Чикобава¹, К. В. Ломтатидзе² и другие с достаточным на то основанием называют иберийско-кавказскими.

Они распределяются по следующим группам:

Кавказская:

Картвельская.

Вайнахская (чеченский, ингушский, или кистинский, бацбийский языки).

Абхазо-адыгейская.

Дагестанская.

С точки зрения грамматического строя языков Кавказа необходимо отметить, что они имеют различия.

Чеченский и ингушский языки относятся к восточной группе иберийско-кавказских языков и имеют ряд диалектов.

¹ Чикобава А. С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

² Ломтатидзе К. В. Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания. «Вопросы языкознания», 1955, № 4.

Эта группа языков по терминологии Н. Ф. Яковлева называется «вайнахской». З. К. Мальсагов предложил для нее термин «нахская». В литературе 1944—1956 годов иногда называют ее «кистинской». В дальнейшем мы будем называть ее «вайнахской».

Д. Д. Мальсагов пишет: «Собственно чечено-ингушский язык (под собственно чечено-ингушским языком автор понимает все диалекты вайнахского языка без бацбийского — М. Ч.) состоит из следующих диалектов: плоскостного чеченского, ингушского, чеберловского, итум-калинского, галанчожского и аккинского (речь аккинцев, или ауховцев, живущих в Хасав-Юртовском районе, Дагестанской республики). Речь же майстинцев мы квалифицируем не как отдельный язык, а как говор галанчожского диалекта»¹.

Необходимо отметить, что чеченский и ингушский языки являются родственными, но они имеют две письменности, два развивающихся литературных языка: чеченский и ингушский.

Общность чечено-ингушского языка отмечена еще П. К. Усларом: «Язык нахчий дробится на множество наречий, которые возникли частью по уединенному положению некоторых обществ, частью же под влиянием языков соседних народов, осетин, и в особенности кумыков. Но, несмотря на то, чеченский язык представляет замечательный характер единства; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием»².

Мы должны сделать оговорку о языке джераховцев. Последние говорят на ингушском языке.

Таким образом, чеченский и ингушский языки являются родственными. В основу чеченского литературного языка положен плоскостной чеченский диалект — говоры Урус-Мартана, Шалей, Атагов и т. д.

¹ Мальсагов Д. Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Чечингосиздат, Грозный, 1941, стр. 17.

² Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 1.

Ингушский язык развивается на базе народной ингушской речи.

Литературные языки будут развиваться, используя лексические и грамматические богатства всех диалектов.

Все эти диалекты мало отличаются друг от друга и в целом представляют собой общий чеченский язык.

Ингушский язык сходен с языком горной Чечни. Территориально ингуши расположены между Осетией и Чечней. В ингушском языке нет диалектов, которые сколько-нибудь отличались бы друг от друга. Незначительное расхождение в лексике и грамматике чеченского и ингушского языков не исключает свободного взаимопонимания чеченцев и ингушей.

Бацбийский язык относится также к группе вайнахских языков. Бацбийцы живут в Грузии, в Телавском районе, в селении Олвани. Они переселились в Грузию несколько веков назад, и их язык под влиянием грузинского претерпел большие изменения.

Бацбийский язык, находясь долгое время под интенсивным влиянием и воздействием грузинского языка, постепенно скрещиваясь с ним, стал непонятным для чеченцев и ингушей.

В нем сочетаются фонетические, лексические и грамматические элементы вайнахского и грузинского языков. «Характеризуя взаимоотношения генетически, материально родственных языков,— писал Ю. Д. Дешериев,— мы различаем в них явление исконного, так сказать, первичного порядка и явления вторичного порядка, то есть явления заимствования, смешения и скрещивания, возникшие в позднейшие исторические эпохи, при новой встрече родственных языков. Все эти явления более или менее рельефно прослеживаются в иберийско-кавказских языках»¹.

Далее Ю. Д. Дешериев пишет: «Таким образом, начиная примерно с 20-х годов прошлого столетия, бацбийское население, находясь в тесном общении с грузинами, овладевает в силу повседневных жизненных потребностей грузинским языком. К этому времени следует отнести появление у бацбийцев двуязычия. В настоящее время все

бацбийцы владеют двумя языками — бацбийским и грузинским, которые для них являются родными»¹.

Нужно предположить, что чеченцы начали переселяться на плоскость не позже XV века. Там чеченские диалекты претерпевают ряд изменений как под влиянием соседних языков, так и в результате перегруппировок внутри.

Таким образом, формирование и развитие чеченского языка перенеслось с гор на плоскость примерно в XIV—XV веках, ингуши же начали переселяться на плоскость несколько позднее, в XVI—XVII веках.

Ингушский язык и горно-чеченский диалекты сохраняют такие древние общие черты, которые на новом месте обитания утрачены плоскостными чеченскими диалектами.

Чеченский язык благодаря численному преобладанию чеченцев, распространившись на большей части плоскости Чечни, стал ведущим языком, языком большинства чеченцев, на его основе, главным образом, и был создан литературный язык. Язык чеченцев, проживающих на плоскости, распространяет свое влияние не только на горно-чеченские диалекты, но и на ингушский язык.

«И мы видим, как целый ряд «чеченизмов» проникает в речь современного плоскостного ингуша, а отсюда проникает в ингушские горы, подобно тому, как плоскостное чеченское наречие мало-помалу вытесняет старые ингушские говоры в чеченских горах»².

Культура чеченцев и ингушей не могла развиваться без взаимодействия с культурой соседних народов и без влияния тех народов, которые в прошлом находились в более благоприятных условиях и поэтому в культурном и экономическом отношении далеко опередили вайнахов. Это относится в первую очередь к грузинскому народу.

О близости и культурных взаимоотношениях между Грузией и Чечено-Ингушетией говорят коренные лексические, фонетические и грамматические сходства в языках. Культурное грузинское влияние легко прослеживается на памятниках материальной культуры в верховьях рек Ассы, Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна.

¹ Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. Академия наук СССР, М., 1953, стр. 6.
² Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа. Запорожье, стр. 24.

¹ Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. Академия наук СССР, М., 1953, стр. 19.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила народы Советского Союза от векового гнета и создала широчайшие возможности и условия для развития письменности и языка. Торжество ленинской национальной политики обеспечило развитие культуры всех народов Советского Союза национальной по форме, социалистической по содержанию.

Чечено-ингушский народ развивает свою культуру в контакте со всеми народами и, в частности, в тесном сотрудничестве и под руководством великого русского народа и его передовой культуры. Только в Советской стране, в стране свободы и демократии, могли быть созданы условия, обеспечивающие широкое развитие культуры и экономики народа.

Чеченцы и ингуши с большим энтузиазмом, всесторонне развивают свою литературу, искусство, издают учебники для школ и газеты на родном языке.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил грандиозные задачи в культурном строительстве.

На съезде т. Хрущев говорил: «Ни одна капиталистическая страна не имеет такого количества школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, опытных станций и лабораторий, театров, клубов, библиотек и других культурно-просветительных учреждений, как Советский Союз»¹.

Советское правительство создает условия для культурного роста и развития чечено-ингушского народа.

Одним из важнейших вопросов культурного развития чеченцев и ингушей является вопрос развития чеченского и ингушского литературных (письменных) языков.

Значение письменности в человеческом обществе огромно. Нам известно, как бесписьменные народы Кавказа отстали в прошлом и беспощадно эксплуатировались в царской России. Неграмотность способствовала этому.

Письменность, как и устный язык, является мощным средством общения между людьми.

Чтобы развивать язык и литературу, надо иметь свою письменность, а чтобы письменность стояла на должной

¹ Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Изд. «Правда», М., 1956, стр. 76.

высоте и способствовала этому развитию, нужно, чтобы она была совершенна и соответствовала фонетическим нормам языка.

Необходимо изучить историю языка и письменности, условия ее возникновения и этапы развития, чтобы еще больше совершенствовать письменность младописьменных языков. П. К. Услар, написавший впервые в 1862 году чеченскую грамматику, говорил: «Прошлое есть единственный источник знания для будущего...»

Современная чечено-ингушская письменность имеет свою небольшую историю, она начинается в сущности только с середины XIX века.

Чечено-ингушская письменность, начиная со своего зачаточного состояния, обусловленного стремлением народа создать средство общения через письмо, претерпела целый ряд изменений и имеет в данное время огромные перспективы.

Есть основание утверждать, что на территории Чечено-Ингушетии с древнейших времен имелась письменность (см. об этом ниже).

К сожалению, вопросом изучения следов этой древней письменности никто не занимается.

За период Советской власти вопросам изучения культуры Чечено-Ингушетии уделяется большое внимание. На протяжении последних лет производятся археологические раскопки, которые должны пролить свет на историю народа и его культуру. Должны представить большой интерес для лингвистической науки элементы пиктографического и идеографического письма, которые обнаруживаются в нагорной полосе. В наше время большое внимание уделяется вопросам изучения чечено-ингушского языка. Изучаются вопросы не только грамматического строя языка — лексики, фонетики и диалектологии, — но и вопросы его происхождения и развития. По данной теме имеются работы М. Арцуева¹ и Х. Яндарова².

За годы Советской власти очень много сделано в деле

¹ Арцуев М. История чеченской письменности. Чечиздат. Грозный, 1930.

² Яндаров Х. История чеченской письменности. Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Записки, т. II, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 263.

сближения чеченской и ингушской письменности в смысле правильного обозначения одинаковых фонем одинаковыми буквами, установления по возможности одинаковых орфографических и пунктуационных знаков.

Чеченский и ингушский алфавиты и орфография до сих пор не могут считаться совершенными. Жизнь показывает, что они нуждаются в некоторых коррективах и дополнениях.

В данное время перед специалистами по вайнахскому языку, работниками печати, учителями и работниками культуры стоит вопрос дальнейшего усовершенствования и упорядочения письменности, алфавита на основе русской графики.

1. ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

На территории Чечено-Ингушетии имеются письменные памятники, которые еще не изучены. Они говорят о следах древнейшей письменности.

В горах Чечни и Ингушетии на памятниках, могильниках и башнях имеется множество рисунков, орнаментов и знаков. Значение их давно утрачено, а мы еще не в состоянии читать их, но тем не менее не подлежит сомнению, что они являются элементами идеографического и пиктографического письма в его зачаточном состоянии.

Знаки этого письма не следует смешивать с различными бирками, зарубками и прочими отметками, которые не могут ничего сказать другому. Эти изображения известны только тому, кто начертил их. Следовательно, подобные зарубки, бирки и прочие отметки не служили средством общения, поэтому их нельзя считать письмом даже в самом зачаточном его состоянии. В Чечено-Ингушетии подобные знаки были в употреблении вплоть до последних лет, преимущественно для счета.

У семидесятилетнего жителя селения Галанчож Нажмудина Митаева до 1944 года сохранялась дощечка с различными знаками. Знаки эти служили ему главным образом для учета скота.

Такой же способ фиксации путем различных начертаний мы находим и на плоскости. В Урус-Мартане неграмотные люди прибегали к такому методу фиксации числовых понятий.

Во время приготовления муки на зиму жители ссыпа-

ли ее определенными мерками в заранее приготовленное место и тут же отмечали количество мерок особыми начертаниями, которые у каждого различны и своеобразны.

В Ачалукском районе в 1923 году один работник сельскохозяйственного товарищества, комбинируя знаки, обозначавшие у него различные злаки и меру их, вел целое «счетоводство», правда, понятное ему одному.

Подобные знаки применялись для счета и других надобностей только совершенно неграмотными людьми. В горах, где процент неграмотности был больше, чем на плоскости, случаи применения их наблюдались чаще.

Мы уже сказали, что горы Чечено-Ингушетии богаты памятниками материальной культуры, на которых имеются различные загадочные рисунки, знаки, орнаменты.

К системе таких знаков мы относим и отпечаток руки на каменных кладках башен, могильников. Предания говорят, что это отпечаток руки мастеров строителей.

Обычай оставлять отпечаток руки сохраняется и до наших дней. Приготовив тесто для чурека, чеченки обычно прикладывают ладонь с растопыренными пальцами и оставляют отпечаток ее на сыром тесте.

Во время мазки домов и домашних печей хозяйки также часто оставляют отпечатки своей руки. Кроме того, руку прикладывают также и к муке для того, чтобы знать, что ею в отсутствие хозяина никто не пользовался. Однако все это еще не является письмом.

Изучение материальной культуры народа играет огромную роль в выяснении далекого прошлого изучаемого народа: его быта, культуры, языка и даже письменности.

Большое значение в этом отношении имеют памятники материальной культуры в Чечено-Ингушетии, восходящие к IX веку.

Эти памятники делятся на три категории: храмы, родовые башни, к которым относятся боевые башни, и могильные склепы-мавзолеи.

Одним из интереснейших видов памятников материальной культуры являются храмы Чечено-Ингушетии. Некоторые крупные храмы, построенные грузинскими мастерами во времена христианского влияния Грузии на Чечню и Ингушетию, вызывают большой интерес с точки зрения взаимоотношений народов (грузин и чеченцев)

и проливают свет на культуру, язык и письменность народа того периода. Нас интересуют эти памятники не только в целях изучения истории, быта, взаимоотношений, но и с той точки зрения, что они иногда имеют надписи, которые до сих пор, как мы говорили, не собраны и не расшифрованы.

Надо полагать, что древнейшим фонографическим письмом на территории Чечено-Ингушетии было древнегрузинское письмо. Периодом распространения этого письма надо считать период расцвета грузинского царства, то есть VIII—IX века нашей эры.

Именно к этому периоду относится самое сильное влияние Грузии на Чечено-Ингушетию. В этот период благодаря такому влиянию была возможна вербовка горцев грузинами для войны с персами.

Территориально Чечено-Ингушетия, находясь между Каспийским и Черным морями, занимала горы и плоскость по южную сторону Терека. Северные пути являлись оживленными, но находились в стороне от нее. Другие пути проходили из Чечено-Ингушетии в Грузию по Ассинскому и Дарьяльскому ущельям и в Дагестан по реке Хулхулау.

Более мелкие пути через Мецхал, верховья Ассы и Чанты-Аргуна тоже вели в Грузию.

Все христианские храмы большей частью построены в районах Маисты, Мелхисты и в Ассинском ущелье. Они находятся в районах, где сложилась древняя культура чеченцев и ингушей. Эти храмы были построены не без участия грузинских мастеров примерно в VIII—XII веках нашей эры. Профессор Н. Ф. Яковлев не исключает возможности наличия в этот период в Чечено-Ингушетии письменности, возникшей по типу грузинской.

В своем труде он пишет: «Так недавно, на штукатурке арки одного из древних могильников, который находится в одном из боковых ущелий Ассы в Ингушетии, мною была обнаружена надпись грузинскими буквами. Эта надпись относится ко временам христианства, потому что рядом изображен крест грузинского (Георгиевского) типа. Эта надпись представляет собой, очевидно, имя, Энола, — имя, по-видимому, не грузинское, а местного происхождения. Значит для того, чтобы писать на местном языке — на Северном Кавказе применяли гру-

зинский алфавит, но это не датирует нам времени появления могильников»¹.

Отсюда можно предполагать, что имя написано чеченцами или ингушами и что в этот период здесь существовало фонографическое письмо. Надо думать, что тщательное изучение памятников материальной культуры высокогорной Чечено-Ингушетии и надписей, находящихся на них, прольет свет на древнейший период чечено-ингушской письменности. В Ингушетии при археологических раскопках были найдены черепки, на которых имелись надписи грузинскими буквами, но расшифровке они так и не поддались².

Необходимо отметить, что на древних могильниках и башнях Чечено-Ингушетии мы находим знаки, сходные с теми надписями, которые были обнаружены на черепках, найденных в Ингушетии.

Для установления истории древних грузино-чечено-ингушских отношений особо большой интерес представляет описанный впервые Штеддором, а затем Миллером известный храм Тхабаерды, который расположен на границе с Грузией, в бывшем Хамхинском обществе. Существовавшие предания связывают этот храм с Грузией. «Культурное влияние Грузии, шедшее на протяжении многих веков (приблизительно VII—XVII века), нашло, как увидим сейчас, свое отражение в языке; вместе с тем оно оставило и более осязательные следы в вещественных памятниках страны, среди которых наибольшей известностью в посвященной этому вопросу литературе пользуется, по справедливости, так называемый храм Тхабаерды (ингушское Ткъоблаьйерда) в недалеком расстоянии от аула Хайрых (Хьайрах). Интерес этого памятника, многократно описанного в литературе, заключается:

- 1) в нахождении его в центре Галгая,
- 2) в богатом декоративном и архитектурном материале, им представляемом,
- 3) в наличии на стенах грузинских надписей, не известных другим монументальным памятникам Ингушии.

¹ Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Издание «Чечнаробраза», Грозный, 1927, стр. 20.

² Черепки находились в Ингушском музее города Орджоникидзе.

4) в обнаружении в нем грузинской же рукописи, наглядно свидетельствующей о распространении в церковном быту ингушей грузинской, а не греческой и не готической (как некогда предполагалось учеными) письменности»¹.

Убедительным свидетельством распространения письменности по грузинскому образцу является тот факт, что на территории Чечено-Ингушетии найден пергаментный псалтырь на грузинском языке, датируемый XI или XII веком. Эта находка говорит о том, что богослужение в то время велось не на родном, а на грузинском языке.

«Тхабаерда интересна нам, как сказано выше, еще в одном отношении: здесь хранилась та рукопись, которая была в 1895 году куплена Вертеповым и в 1927 году прислана в Ленинград Ингушским научно-исследовательским институтом для исследования. Рукопись представляет собой остатки (67 листов, почти истлевших от сырости) писаного уставом (.....) Псалтыря, судя по характеру письма, XI—XII века. Начинаясь псалмом 17-м (лист 1r), рукопись доходит, с перерывами, до псалма 139 (лист 67v). Во многих местах видны следы приписок (л. 1r; 2r; 3v; 4r; 5r; 7r; 8r; 9r; 10v; 13r и 38v), неподдающиеся разбору, ввиду плохой сохранности рукописи; лишь в одном случае можно предположительно читать имя...². Не касаясь здесь особенностей самого текста, отступающего во многих случаях от печатной вульгаты, заметим, что эти последние остатки грузинской письменности в Ингушии завернуты были в кусок кожи с тиснениями, обличающими значительно более позднее (XVI—XVII в.) происхождение переплета рукописи»³.

Кроме вышеуказанных памятников, о тесных связях Грузии с Чечено-Ингушетией говорят народные предания, отраженные в местном фольклоре, а также чечено-ингушские и грузинские лексические параллели.

Более подробные сведения о грузино-чечено-ингушских лексических взаимоотношениях можно почерпнуть из об-

¹ Генко А. Н. Записки Общества востоковедов, т. 5, 1931, стр. 732—733.

² Псалтырь был передан А. Н. Генко для исследования.

³ Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки Общества востоковедов, т. 5, 1931, стр. 737—738.

стоятельной работы А. Н. Генко «Из культурного прошлого ингушей»¹.

Таким образом, грузино-чечено-ингушские языковые взаимоотношения еще больше заставляют нас убедиться в том, что грузинская письменность была в употреблении в Чечено-Ингушетии, но она, видимо, не получила здесь широкого распространения и применялась главным образом для богослужения. Да и надобности в ней в то время не могло быть большой. Памятники материальной культуры указывают на то, что в Чечено-Ингушетии имеются следы древнейшей письменности VIII—IX веков, напоминающей грузинскую в позднейшую эпоху. Во всяком случае, с XVIII века Чечено-Ингушетия была бесписьменной в связи с ослаблением грузинского царства, подвергшегося нашествию персов и тюрок (его влияние на Чечено-Ингушетию в значительной мере было ослаблено). Поэтому христианские храмы, в том числе и храм Тхабаерды, постепенно утратили свое значение.

На Северном Кавказе мусульманство впервые появляется в Дагестане, в районе Дербента, после покорения арабами персидского сасанидского царства.

Из Дербента ислам продвигается по древнему пути торговых сношений. В связи с тем, что продвижение ислама в горных районах Северо-Восточного Кавказа встречало значительное препятствие, в Чечне ислам появляется только в XVI—XVII веках, а в Ингушетии еще позже. Ингушский аул Гвелеты принял мусульманство только в 1861 году². Следовательно, в начале XIX века ингуши еще сохраняли элементы языческой религии. А. Н. Генко пишет: «Уже с конца XVIII века Ингуши представляла собою необычную картину полнейшего религиозного хаоса, где воззрения различных эпох и разнообразных религиозных систем причудливо сочетались друг с другом. Деградивавшее за короткий срок поверхностное христианство столкнулось здесь с мусульманством...»³.

¹ Генко А. Н. дает лексические параллели из чечено-ингушского и грузинского языков.

² Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Издание «Чечнаробраза», Грозный, 1923, стр. 19.

³ Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Записки Общества востоковедов, т. 5, 1931, стр. 742.

Вместе с мусульманством из Дагестана продвигалась в Чечено-Ингушетию и арабская письменность.

Арабский алфавит возник две тысячи лет тому назад.

В начале своего возникновения арабский алфавит и письменность сыграли положительную роль в Аравии в связи с расцветом культуры арабских стран, но впоследствии они явились тормозом в развитии прогресса и культуры.

Арабский алфавит изобиловал многочисленными диакритическими знаками и различием написания букв в зависимости от того, стоят ли они в начале, в середине или в конце слова. Арабская письменность была объявлена священной, и поэтому всякие попытки ее реформирования встречали большие препятствия со стороны мусульманского духовенства. Долгое время в мусульманских районах Северо-Восточного Кавказа арабский письменный язык являлся единственно письменным.

В Дагестане во время имамата делались попытки организовать свою национальную письменность на основе арабского алфавита. Пионером в этом деле явился наиб Шамиля аварец Лачинилау. П. К. Услар пишет следующее по этому вопросу: «Шамиль не восставал открыто против этих попыток распространения туземной грамотности, но не симпатизировал им»¹.

В Северо-Восточном Кавказе арабская письменность наибольшее распространение получает во время имамства. Арабский язык становится официальным языком имамата. Вся переписка ведется на нем.

Арабисты времен имамата и более поздней эпохи, а также их литературные труды получили высокую оценку И. Крачковского² (с точки зрения литературы классического арабского языка), но в гущу населения арабский язык и письменность не проникли и не могли проникнуть потому, что они были непонятны и чужды населению.

Муллы изучали арабский язык и грамоту по 15 и более лет. Ясно, что трудовое население не могло располагать таким количеством времени для изучения языка корана.

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II. Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 40.

² Крачковский И. Ю. — известный ученый арабист, академик.

Говоря о биографии Лачинилау, П. К. Услар дает характеристику, как юноша того времени тратил время попусту, чтобы хоть мало-мальски научиться арабской грамоте.

«Сначала учился он у муллы в Хариколо чтению и письму на арабском языке; этим начинает свое учение все горское юношество, но 0,9 не идет далее и прекращает свое учение, выучившись только арабским буквам и чтению нараспев арабских молитв; всего же чаще, не выучившись ничему»¹. И далее: «Это продолжается весьма долго, иногда лет 20, пока, наконец, студенту удастся приискать себе выгодное место кадия в каком-нибудь ауле»².

Это совершенно объективное высказывание П. К. Услара говорит о том, насколько арабский алфавит был непригоден для внедрения грамотности на Кавказе среди горцев.

Муллы учили, что письменность и коран являются священными и постоянными, и народ глубоко верил в это. Отсюда у массы появилось уважение и даже страх перед ними. Но, несмотря на это, среди горцев появлялись отдельные попытки приспособить арабское письмо к своему родному языку.

Наряду с этим следует отметить, что грамотных в то время было очень мало, да не так уж было много и ученых арабистов, которых, кроме религии, ничто не интересовало.

«Ученые не пользовались большим влиянием на народ, который управлялся еще тогда *адатом*, а не *шариатом*, но пользовались тем инстинктивным уважением, в котором невежество не в силах отказать знанию»³.

Необходимо отметить, что арабская письменность, будучи трудной для общего употребления, держалась только благодаря исламу.

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 37.

² Там же, стр. 37.

³ Там же, стр. 38.

Арабский алфавит

ا ب ت ث ج

дж с т б а

ح خ د ذ ر

р з д х хь

ز س ش ص ض

зод сод ш сен з

ط ظ ع غ ف

п гл л дз тл

ق ك ل م ن

н м л к кь

و ه ي لا ع

е ла хл в

В этом алфавите 29 букв. В нем совершенно отсутствуют следующие буквы, имеющиеся в чеченском и ингушском языках:

пI, кх, г, кI, ц, цI, чI, ч, о, и, э, аь, оь, уь.

Текст на арабском языке

الى الاخ الاحد والعائق الفين احمد
السلام المتصل
والا بد عليكم آمين
و بعد تقدیم السآل عن صحتكم
المرحومة المرسوم فحوكم العليا لما زاد
شوق اللقاء لكم ظنا فني ان و صوله لريكم
بمنزلة و صولى عندكم را جيا و طامعا
الى علم احوالكم برد الكتاب المرسوم بيدك
انا محمد

Перевод текста

Мною уважаемому и любимому Ахмеду.
Привет Вам от меня. Мы получили Ваше письмо, в котором мы узнали о Вашем здоровье. Наше же житье-бытье Вы узнаете через письмо, которое Вы получите от нас, а также Вы удовлетворите нас, написав о себе.
Ваш МАГОМЕТ.

Первые попытки приспособить арабский алфавит к чеченскому языку мы видим у Лачинилау, который был назначен Шамилем наибом в Чечню, в частности в Чеберлой.

Сам Лачинилау, будучи аварцем, был учеником известных в то время ученых арабистов — Хунзахского Мухамед-Кеди и Саид-Эфенди. (Современники П. К. Услара).

«Лачинилау заботился, между прочим, о распространении письменности на аварском языке с помощью букв, начертания которых, с многими добавлениями, заимствовал из арабского алфавита. Говорят, что первым изобретателем таковой письменности был некто Али, уроженец аула Кульзаба, в Тлесерухе, лет за двадцать пять тому назад отправившийся в Мекку и там умерший. Таковое письмо преимущественно назначалось в виде мнемонического вспоможения для учеников, которые не в состоянии были усвоить понимание арабских текстов. По крайней трудности своей, оно не могло сделаться общеупотребительным»¹.

Таким образом, эти скромные начинания в деле приспособления к родному языку арабской письменности, считавшейся священной, не имели успеха и обречены были на полнейший провал, хотя бы неодобрением самого Шамиля, который при показе ему перевода первой части корана на аварском языке, сделанного Хаджи-Али Чохским по просьбе сына Шамиля, Джемал-Эддина, заявил, что это дело не первостепенной важности.

II. П. К. УСЛАР И ЕГО ШКОЛА

Вопросами изучения быта, языка и культуры чеченцев и ингушей занимались многие ученые, как русские, так и западноевропейские. Так, например, в связи с войной за покорение Кавказа, еще до его завоевания, начиная с 50—60-х годов XIX столетия, многих ученых и писателей интересовала этнография горцев. Печатался художественно обработанный фольклор. Главным образом возглавлял эту работу в России Кавказский отдел русского географического общества.

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 40.

Им были изданы «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Терские ведомости» и многие другие.

В эти же годы мы наблюдаем глубокий интерес ученых к кавказским языкам вообще, к языку чеченцев и ингушей в частности.

До 50—60-х годов мы имеем ряд небольших словарных работ на основе латинской транскрипции Гюльденштедта¹ и Клапрота².

В 1861 году был выпущен букварь Бартоломея³ на чеченском языке, в 1888 году вышла книга А. А. Шифнера⁴ «О тушском языке».

Большое внимание народам Кавказа в своем творчестве уделяют М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и другие. Они с большим интересом и вниманием изучают устное народное творчество чеченцев и ингушей. Лучшие произведения, написанные ими о Кавказе, посвящены чеченцам. Они с глубокой симпатией и любовью описывают быт и нравы чеченцев. Их интересовал не только фольклорный материал (песни), но и быт, история, — они объективно описывали свободулюбие, храбрость, преданность, дружбу чеченцев и т. д. Именно такими качествами они наделяли героев своих произведений.

Л. Н. Толстой является тонким наблюдателем жизни казаков и чеченцев, широко использовал народные мотивы в своих кавказских произведениях.

Его «Казак» написаны народным языком, знакомят нас с психикой, бытом и тесными дружественными, а в некоторых случаях родственными отношениями чеченцев и казаков. Толстой говорит о большом сходстве чеченцев и казаков в одежде, быте и характере. Не случайно великий писатель в этом произведении описывает дружбу Ерошки с чеченцем.

¹ Гюльденштедт. Reisen durch Rusland und im caucasischen gebürge. Auf Befehl der Russisch kayserlichen Academie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas, часть II. СПб., 1791. „Mizdshegische Mundarten“.

² Клапрот И. Reise in den Caucasus und nach Georgien. Berlin, Band I, 1812, Band II, 1814 „Mirdshegische sprachen“.

³ Бартоломей И. Чеченский букварь. Тифлис, 1888.

⁴ Шифнер А. Versuch über die Tusch — Sprache, Petersburg, 1856.

Л. П. Семенов приводит запись одного журналиста, который, ссылаясь на казака Вавилу Ивановича, проживающего в станице Старогладковской, якобы подтвердил: «Дед Ерошка это верно, был у нас — его Епишкой звали — Епишка Стехин. Такой орел с чеченцами дружбу вел»¹.

Сам Л. Н. Толстой был очень смелым и ездил на охоту со своими друзьями — казаками и чеченцами. «Им нравилось молодечество Толстого, охотно разделявшего с ними и с боевыми товарищами все опасности. Известно, что он высказал большое присутствие духа и подлинную смелость при встрече с чеченцами, едва не захватившими его в плен»².

Л. Н. Толстой, будучи в Чечне, сдружился с чеченцами Балтой Исаевым и Садо Мисербиевым из Старого Юрта³. Писатель так отзывался о своей дружбе с Садо: «Много раз он доказал мне свою преданность, подвергая из-за меня свою жизнь опасности, но это для него ничего не значит, это для него обычай и удовольствие».

Большой интерес представляют чеченские песни, записанные Толстым со слов Балты и Садо русскими буквами на чеченском языке. Это первая известная нам запись чеченского текста.

Песни эти переведены и литературно обработаны профессором Н. Ф. Яковлевым. Приводим одну из них:

1. Алалу вададаи шилюка шаи-ина баба вай-анна
2. Ай Аяй-ай ай ай! Неприятно родимая матушка в тёсовой
3. Бажелера сёц онагиле ихундабалейна хаи хун
4. Конюшне молодецкого коня зачем привели ты знаешь ли (л. 17 ё)
5. Вай да да дай! ваим берчир арджемажер ихунде

¹ Сборник «Кавказ и Толстой» под редакцией Л. П. Семенова. Статья «Л. Толстой и Кавказ». Владикавказ, 1928, стр. 7.

² Сборник «Кавказ и Толстой» под редакцией Л. П. Семенова. Статья «Л. Толстой и Кавказ». Владикавказ, 1928.

³ Л. Н. Толстой подарил Садо музыкальную шкатулку, а Садо Л. Н. Толстому, шашку и другие ценные подарки. Шашка, подаренная чеченцем Садо, находится в музее Толстого в городе Москве.

6. Аяй аияй ай чье крымское ружье висит у нас на стене.

7. Еина хаицхун? Хо (еано) лаховоучу гюрджи еле еина

8. (на) Зачем его принесли знаешь ли? (Кто) пришел тебя сватать Гру(зинский) князь(ь)

9. Он и принес его

10. Са нана сендегуо теце еуцо ассайналахна буй-синах

11. Матушка! не (принимает мое) лежит к нему сердце; я сама себе сыскала

12. де ден кант.—

13. такого молодца, который из ночи день делает.—

14. Вададай баба ваим берчире гюрджин дарий ихунда

15. ... матушка Тифлисский канаус на стене, зачем

16. диана хаи хун. хаехунвоучу ка (н) те да айтине

17. Он (сюда принес) здесь висит? Тот, кто тебя сватает, тот и принес.

18. Суонцавиеза Гюрджиех юхуш дариеш, киехон кант

19. Я не люблю тех женихов, к(отор)ые ездят в Грузию за товаром.

20. са нана сенгуртеха маяка со хайна езах.

21. Матушка! Ежели ты меня любишь, не губи ты мою голову.

24¹. Буйсанах дедина кант виа соёлч, марш

25. К(отор)ый ночь днем делает, пришел ко мне. Прощай

26. ейла сонана дуко (ре) кереахс (о) со хунце юада ма —

27. Матушка, (много? т) ы меня стращал (а), теперь я иду

28. рия-Дал (а) мукало хунцих со сай куртень

29. за муж — Слава богу — теперь (я) вышла моя го

30. (Di) iокху ееле.—

31. Лова на волю¹

¹ Яковлев Н. Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. Издательство Академии наук СССР, М., 1940, стр. 306.

Чеченская песня Садо Мисербиева

(литературный перевод)

1. «Ахти мне, моя старшая, родимая маменька, из нашей досчатой конюшни верный конь зачем это приведен, не знаешь ли ты?»

2. «Ахти мне, на почетное место на нашей стене, черное мажарское [ружье] зачем это принесли, не знаешь ли ты?»

3. «Приехавший тебя сватать грузинский князь привез его» — «Моя душа не лежит к нему, мама, я себе нашла молодца-героя, который (темную) ночь превращает в (ясный) день».

4. «Ахти, маменька, к нам на почетное место грузинский шелк зачем это принесли, знаешь ли ты? — «Приехавший сватать тебя молодец прислал» —

5. Я не люблю молодца, который ездит в Грузию и привозит шелка. Моей волюшки не лишай меня, мама, если меня ты любишь

6. Молодец-герой, который ночь превращает в (ясный) день, пришел сюда ко мне. Счастливо оставаться, мама, много страху я от тебя натерпелась, — сейчас я выхожу замуж.

7. Бог даст, теперь я сама себе на радость освободилась¹.

В тексте этой песни отражена речь чеченцев середины прошлого века. В нем сохранена образность и красота песни. Язык упомянутых песен является промежуточным между горным и плоскостным диалектами. Несмотря на то, что сказитель, безусловно, является чеченцем из плоскостного района, из Старого-Юрта, в его речи явно чувствуются элементы горно-чеченского диалекта. Это может служить, по нашему мнению, доказательством того, что в середине XVIII века различия между диалектами чеченского языка не были столь существенны, как ныне, во всяком случае о языке надтеречных и горных чеченцев это можно утверждать категорически.

Запись на чеченском языке Л. Н. Толстого интересна и тем, что она сделана на десять лет раньше, чем был

¹ Яковлев Н. Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. Издательство Академии наук СССР, М., 1940, стр. 307.

написан «Чеченский язык» П. К. Услара, и показывает стремление классика русской литературы практически изучить чеченский язык и большой интерес писателя к чеченскому устному творчеству.

Подлинно научное изучение чеченского языка начинается с капитального труда П. К. Услара «Чеченский язык», не утратившего своего значения и на сегодняшний день.

П. К. Услар написал «Чеченский язык» в 1862 году, объем книги 30 печатных листов. Работа была издана впервые в Тифлисе в 1862 году, затем переиздана в 1888 году.

П. К. Услар был человеком широкого кругозора и большого научного интереса. Он тщательно изучал историю, быт, фольклор и языки народов Кавказа.

«Труды П. К. Услара имеют выдающееся значение для языкознания, истории, этнографии Кавказа и для освещения лексики горских кавказских языков. Столько вполне доброкачественного материала, сколько его дал Услар, мы не находим ни у кого из дореволюционных исследователей рассматриваемых языков»¹.

Прекрасно владея сравнительно-историческим методом, он написал ряд грамматик горских кавказских языков, в том числе и грамматику чеченского языка.

П. К. Услар понимал, что для того, чтобы написать историю Кавказа, предварительно надо изучить языки народов, ибо язык у бесписьменных народов является важнейшим источником для истории.

Таким образом, замечательный исследователь кавказских языков свою лингвистическую работу считал подготовительной для написания будущей истории Кавказа.

«Но, конечно, такая работа не мне достанется в удел. Если тем, что я напишу, мне удастся хотя несколько способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе, в роде исследований Гримма, Боппа, Лассена, Потта и других, то уже заслуга моя будет очень велика. При полном, даже доступном мне, успехе, история моя не только не будет настоящей историей Кавказа, но даже не будет истори-

ческим материалом; она лишь будет подготовлением к надлежащему собиранию исторических материалов, но таковое приготовление необходимо...»¹.

Эти его высказывания говорят не только о глубоком и серьезном отношении к изучаемому материалу, но и о том, что П. К. Услар в своей работе хотел использовать сравнительно-исторический метод.

«Ведь в языке, как в зеркале, отражаются все моменты исторической жизни народа. Язык представляет неисчерпаемое средство для изучения древнейшего времени, а потому в основу исторических изысканий должен быть положен прежде всего язык»², — писал автор грамматики чеченского языка.

П. К. Услар пробыл на Кавказе 12 лет на военной службе и, приступая к лингвистическим исследованиям, он всесторонне знал Кавказ, его этнографию, был знаком со всей лингвистической литературой по Кавказу.

П. К. Услар хотел изучить все языки Кавказа, чтобы поставить, выделить эти языки в особое семейство, доказать наличие особой кавказской семьи языков.

И надо сказать, что П. К. Услар был первым исследователем кавказских языков того времени, который говорил, что кавказские языки являются родственными между собой. «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков *кавказских*, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»³.

Для того чтобы получить общую правильную картину кавказских языков, он считал необходимым изучение языков в диалектальной многообразии и уже на основе сравнения делать определенный вывод из добытого материала.

Считая основой языка грамматический строй, он уделял преимущественное внимание морфологии и фонетике. «До П. К. Услара, — писал Ю. Д. Дешериев, — не

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 7.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 35.

¹ Дешериев Ю. Д. Значение научного наследия П. К. Услара для Советского кавказоведения. Вопросы языкознания, 1956, стр. 3.

было ни одного исследования, в котором была бы дана достаточно полная характеристика морфологической системы какого-нибудь горского кавказского языка. Услар же дал более или менее исчерпывающий анализ основных явлений в области морфологии семи горских кавказских языков»¹.

И действительно заслуживает большого внимания работа П. К. Услара «Чеченский язык» — первая капитальная работа по чеченскому языку, которая с точки зрения лингвистической является чрезвычайно ценным трудом, не утратившим своего значения и по сей день.

Удачно уловив и изучив структуру чеченского языка, талантливый ученый со всей серьезностью и глубиной исследовал собранный им обильный фактический материал и оставил нам очень ценную грамматику.

Очень важно, что П. К. Услар первым с большой прозорливостью установил, что все диалекты чечено-ингушского языка являются диалектами одного общего языка.

Правильно считая, что все наречия являются частью общего, единого языка, П. К. Услар утверждает, что для них должна быть создана единая письменность. «Чеченский письменный язык должен еще выработаться, но он будет общим для всех чеченцев»². К этому вопросу мы еще вернемся.

Для нас чрезвычайно большой интерес представляет метод исследований П. К. Услара. В 1862 году, закончив работу над аварским языком, он приступил к изучению чеченского языка. Для этой работы он пригласил в Тифлис осведомленных чеченцев, наиболее замечательным из которых был Кеди Досов. Со своими осведомителями П. К. Услар разработал «Чеченский язык» на основе языка «плоской Чечни», как он выразился.

Характерно, что П. К. Услар давал своим осведомителям лингвистические знания, прививал вкус к языковед-

ческой работе, сообщал солидные грамматические сведения, в результате чего из них воспитывались ценные работники. В частности, один из осведомителей Услара — Кеди Досов из Дышни-Ведено написал букварь чеченского языка, который был опубликован в Тифлисе. «К ученым туземцам Услар питал особое расположение, видя в них передовых людей своего народа и как бы собратов по его собственным научным влечениям. Вспоминая восторженные отзывы Услара о Лачинилау, Хандиеве, Ногмове и других туземных ученых, читатель невольно и сам проникается чувством какого-то благоговения перед этими истыми жрецами науки, национальными светилами Кавказа»¹, — писал П. Н. Черняев.

П. К. Услар не остановился на теоретической разработке грамматики чеченского языка. Из Тифлиса он приехал в тогдашнюю крепость Грозную и здесь организовал школу для 25 арабистов-муталимов, где проводились занятия по изучению новой чеченской грамоты.

Таким образом, создав алфавит и написав грамматику, П. К. Услар проверил практическое значение своей работы, организовав обучение группы чеченцев и доказав этим, что обучение горских народов, являясь необходимою, легко осуществимо. О результатах обучения грамоте чеченцев-муталимов он писал: «Чеченская письменность сотворила такие чудеса, которых я и не ожидал. 1-го июня только Кадий и Мулла возвратились в Грозную; вчера, 24 июня, мне представлено было 25 человек чеченцев, из числа которых 14 читают уже по-чеченски так же хорошо и свободно, как мы с Вами по-русски. Заметьте, при том, что ни один из них не умеет читать по-русски, следовательно, вновь составленная азбука была для них совершенно неизвестна»².

В основу созданного им чеченского алфавита П. К. Услар положил русский алфавит. Недостающие буквы он заимствовал из латинского и грузинского алфавитов. Весь чеченский алфавит состоит из 37 букв:

¹ Дешериев Ю. Д. Значение научного наследия П. К. Услара для советского кавказоведения. «Вопросы языкознания», 1956, № 3.

² Услар П. К. Этнология Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 2.

¹ Черняев П. Н. Из истории кавказоведения. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 20.

² Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 8.

Алфавит П. К. Услара

Услара: а, б, в, г, г_а, д, е, ж, $\bar{h}$, з, h,

Современный: а, б, в, г, гI, д, е, ж, дж, з, хI,

Услара: i, j, к, к_а, k, л, м, н, н_а, о, п,

Современный: и, й, к, кI, кх, л, м, н, (носовое) о, п,

Услара: ц, q, ђ, р, с, т, т_а, у, х, $\bar{x}$, ц,

Современный: пI, кѡ, l, р, с, т, тI, у, х, хь, ц,

Услара: ш, Ъ, ч, f¹.

Современный: ш, цI, ч, чI.

Из числа перечисленных букв к латинским относятся: h, j, q, которые заменяли современные хI, й, kѡ.

Из грузинского были заимствованы буквы для обозначения современных смычно-гортанных „цI — Ъ“ „чI — f“.

В алфавите не указан апостроф, который обозначает перерыв голоса (удар), но в тексте грамматики находим его употребление шшI, кхоI и т. д.

Для обозначения некоторых специфических чеченских звуков П. К. Услар применял различные дополнительные знаки, например, для надгортанных т, (mI), ђ (nI), k, (kI). Чеченский глубокогортанный глухой согласный «хь» изображен буквой „х“.

Чечено-ингушский заднемягконебный надгортанный согласный «кѡ» передается латинским q, носовой «н» через н_а, Гортанный звонкий согласный «I» обозначен буквой ђ

Хотя П. К. Услар в тексте перерыв в голосе (удар) обозначает специальным знаком — апострофом над гласным, — но в алфавит он его не включил.

П. К. Услар прекрасно уловил все оттенки чеченского

¹ Точно воспроизвести буквы цI, чI по техническим условиям не представляется возможным.

произношения и поэтому смог фиксировать в письме дифтонги.

Знаменитый кавказовед отлично изложил учение об основных звуках-фонемах.

«Но здесь обращу внимание читателя на особое обстоятельство, неведение которого может вовлечь его в большие заблуждения. Различие букв обуславливается различным относительным расположением органов произношения, как-то: губ, языка, зубов, десен, неба и пр. Так как это расположение может изменяться до бесконечности, то очевидно, что различных звуков во всех языках земного шара, взятых вместе, существует или может существовать бесконечное число. Это суть *звукокачества* (*Lautqualitäten*). Число различных звукокачеств в одном и том же языке никогда не бывает значительно: не думаю, чтобы где-нибудь доходило оно до 50. Каждое особое звукокачество необходимо должно быть выражено особым знаком, *буквой*. Но каждое *звукокачество* может быть произведено с различной степенью напряжения; таковых степеней напряжений *звукоколичеств* (*Lautquantitäten*) можно предположить для каждого *звукокачества* бесчисленное множество. Звукоколичество изменяется под влиянием соседних букв, места ударения и пр. и пр. Означение в азбуке таковых изменений может быть допущено только тогда, когда самое свойство языка того требует»¹.

Мы позволили себе привести такую большую цитату, так как она не только свидетельствует о приоритете П. К. Услара, а следовательно, и отечественного языкознания в учении о фонемах, но и объясняет, как мог в середине XIX века талантливый исследователь кавказских языков создать замечательные алфавиты для них.

П. К. Услар предложил обозначать долготу звуков знаком «—», так как он правильно считал, что она является фонематическим средством в чеченском языке (сравните: *виэза* и *веза*; в первом случае «любить», а во втором — «тяжелый»).

В отношении самого алфавита надо сказать, что П. К. Услар правильно выбрал для обозначения чеченских букв русскую основу. Правда, необходимо отметить, что напи-

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 11.

сание некоторых введенных в алфавит букв не совсем легкое, слишком много крючков, непоследовательна система графического обозначения надгортанных звуков, нарушается основа самой русской графики введением латинских и грузинских графем.

Вместе с тем надо сказать, что им первым дана подробная характеристика звуков чеченского языка и сравнение их с другими языками мира.

Высказывание П. К. Услара о способности всех чеченцев относить предметы к определенному грамматическому классу не совсем точно. «Каждый чеченец обладает непогрешительной способностью угадывать, где можно употребить «ю», «бу», «ду», «ву»¹. Нам известно, что наблюдаются различия в отнесении отдельных существительных к тем или иным классам.

В ингушском языке, а также в горных диалектах Чечни один и тот же неологизм употребляют в различных классах. Мы часто наблюдаем подтверждение наших мыслей. Да и сейчас нередки случаи отнесения переводчиками и литераторами одного и того же неологизма к различным классам.

Синтаксис Усларом разработан несколько слабее, чем фонетика и морфология. Он писал: «Я сознаю всю недостаточность моих грамматических очерков, но вменяю себе в заслугу, что теперь вместо нескольких фраз, записанных Клапротом, предлагаются целые книги, которые доставят настоящим лингвистам богатые материалы для исследований»².

Работа П. К. Услара над чеченским языком отличается от предшествующих трудов не только обширностью и глубиной лингвистического материала, но и тем, что в ней приведено много текстов, в числе их большой фольклорный материал. Рассказы, песни и пословицы, записанные П. К. Усларом, позволяют ознакомиться с плоскостным чеченским диалектом середины XIX века.

В «Чеченском языке» П. К. Услара наблюдается «акание», напоминающее современный чеберловский диалект.

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888.

² Там же.

Текст П. К. Услара

Цъа воккун стаг
хима, муома Насирит
бохум. Оцу цъени хенах
цудина берим, синдирам
бан, оцу беримцин. Тъак-
ка муома Насиритана
берим кцордайна, тiera
далан, тикна дац Тъакка
муома Насирита беримке
еме: цѣ берим дза ла-
тах сага диеду, хилоха-
лам ецѣ сага шина-а
муриг ду, халха кешна-
цунна дукка муригду. Тъак-
ка берим хилохана; i берим
хилохатах, киецу беримна
дайна, изум а хилхана.

Пѣакка Муома Несі-
 ріта дегинбаам біна
 цаа буюх бацах, кіе-
 тахері беріш хіелхуріг
 дацара ёме. Пѣакка ша
 Муома Несіріт а хіед-
 да; два кешкі, берішна
 діекуш сага ца карај-
 на, хізуш дісіна. Тацар
 дёме, віена Муома Не-
 сіріт еше кешна. Оцуі-
 ге, беріша хеттіна: ху-
 нунда Муома Несіріт
 вогу? ёме: сага да-
 лар багду муттум
 віар.

Русский перевод

Жил на свете старик, по имени мулла Несирит. Однажды созвал он детей, чтобы забавляться с ними. Потом дети ему надоели, но, не слушаясь его, не уходили. Тогда он сказал им: «Дети, там внизу делят милостыню, бегите туда, и вам дадут; первый кто добежит, много получит». Дети побежали; глядя на них, побежали и другие дети. Тут мулла Несирит сам в себе подумал: если там ничего нет, то зачем бегут дети из других мест. Подумав, и сам побежал. Между тем, дети, прибежав и не находя милостыни, вертелись на месте. Вспотев, добежал и мулла Несирит. «Ты зачем пришел?» — спросили его дети. «Я и вправду подумал, что милостыню раздают и потому пришел»¹, — ответил он.

П. К. Услар уделял большое внимание педагогическим вопросам, вопросам обучения горцев на родном языке, предлагал ввести родной язык для обучения горских народов. Он понимал, что истинное просвещение поведет их к скорейшему сближению с русским народом.

У П. К. Услара много высказываний по поводу воспитания учащихся и просвещения горских народностей.

Необходимо отметить, что чрезвычайно ценный труд П. К. Услара не нашел нужного применения, ибо о действительном просвещении горских масс царское правительство не думало.

Немногочисленные школы, открытые при царизме в Чечне и Ингушетии, имели задачей не действительное просвещение, не ликвидацию отсталости широких масс — все это было невыгодно царизму и противоречило его политике. Для «верхушки народа» за все годы господства русского самодержавия в Чечне было открыто несколько школ: в Гехах, в Нижнем Науре, в Итум-Кале и школа-интернат в городе Грозном, существовавшая с 1872 года. Это была первая чеченская школа, если не считать временной школы П. К. Услара. Обучение в ней было на русском языке. Она имела задачу подготовки переводчи-

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 116.

ков, мелких административных работников, писарей, делопроизводителей, то есть верных прислужников царизма, которые должны были облегчить колонизацию Кавказа.

В Ингушетии до 1910 года существовала только одна школа в Назрани, открытая в 1870 году. До 1907 года она выпустила только 343 учащихся, хотя в ней и учились дети из 22 селений. Позже было открыто еще несколько школ, которые по объему проходимого материала и по качеству преподавания стояли значительно ниже назрановской. В школах, открытых царизмом, учились преимущественно дети купцов и мелких административных работников.

Политика царизма вела к подавлению развития национальной культуры «туземцев». Ясно, что в этих условиях не могли развиваться ни национальный устный язык, ни письменность.

Политика царизма была колонизаторской политикой, насильственной. В. И. Ленин писал о колонизаторской политике на Кавказе и об экономическом его завоевании: «Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, напр., к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»¹.

В подобных условиях нечего было и думать о просвещении народов. Царизм понимал, что темный, некультурный и забитый народ легче эксплуатировать и держать в повиновении.

Таким образом, несмотря на попытки реформировать арабский алфавит, приспособить его к фонетической системе чеченского языка, несмотря на создание чеченской грамоты солидными учеными, как А. Шифнер и П. К. Услар, несмотря даже на наличие букваря и грамматики на чеченском языке, осуществить благородное стремление — просветить чеченцев и ингушей через грамоту — не представилось возможным. Но вместе с тем необ-

ходимо отметить, что эти стремления не остались совершенно бесплодными, ибо они толкали передовых чеченцев того времени к знанию, к грамоте и просвещению; об этом мечтали и все бесписьменные народы Кавказа до Советской власти.

Еще 12 июня 1906 года народный учитель, чеченец по национальности, Эльдарханов Т. выступил на сессии Государственной думы, где он говорил: «Доложу, что за 50-летний промежуток времени было открыто только 2 школы для детей полмиллионного населения. Следовательно, ясно, что «отцы», «попечители» наши в смысле обеспечения покойной и счастливой жизни этих народностей, ничего сделать не могли и не сделали».

Заслуживает внимания чеченский букварь, составленный в 1908 году и переизданный в 1911 году упомянутым Т. Эльдархановым. Он широко, но не слепо использовал материалы П. К. Услара и составил букварь на основе русской графики, внося в него некоторые дополнения и изменения.

Алфавит Т. Эльдарханова на русской основе:

Аа, Бб, Вв, Гг, Гг_г, Дд, Ее, Жж, Зз, Нн,
Ии, Јј, Кк, Кк_к, Кк, Лл, Мм, Нн, Нн_н, Оо,
Пп, Пп_п, Qq, Ъѡ, Рр, Сс, Тт, Тт_т, Уу,
Хх, Хх, Цц, Цц, Чч, Чч, Шш.

Всего в алфавите 36 букв¹.

Необходимо отметить, что Эльдарханов несколько упростил алфавит, облегчил его с графической стороны.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

¹ Эльдарханов Т. Э. Чеченская азбука и первая книга для чтения. Тифлис, 1911, стр. 31.

Сопоставления:

Алфавит П. К. Услара	Алфавит Т. Эльдарханова	Алфавит современный
Аа	Аа	Аа
Бб	Бб	Бб
Вв	Вв	Вв
Гг	Гг	Гг
Дд	Дд	Дд
Ее	Ее	Ее
Жж	Жж	Жж
Зз	Зз	Зз
Нн	Нн	Х х
Ии	Ии	Ии
Јј	Јј	Йй
Љ	Љ	Ц ц
Ѕ	Ѕ	Ч ч
Ѧ	Ѧ	Хьхь
ѧ	—	—
(дж) Ѩ	—	—
ѩ	ѩ	І
Кк	Кк	Кхкх
Т,т,	Т,т,	Т т
П,п,	П,п,	П п
Гг,	Гг,	Г г

Т. Эльдарханов вместо грузинских букв, которые у П. К. Услара обозначали „ч|“ и „ц|“, использовал русские буквы со знаком сверху ч и ц.

В алфавите Т. Эльдарханова отсутствует Ѩ (дж), который имеется в алфавите П. К. Услара. Отсутствует также знак обрыва.

Остальные обозначения букв у обоих одинаковые. Обозначение долготы звуков и дифтонгов у Эльдарханова такое же, как и у П. К. Услара.

Баг лер домачу куманал-а
туѧла

Дас шіен, кантана дема
хима діг. Да дара воккун,
віем ша тѧ кеш-кешнагу
куманна і деттам лілам,
шіен, дас бѧзнагу дожу тѧ
кешна хима і. Ша дегу
куманна цојла-а ца јеш
діг тѧсна хадіна цоха
бімана цѧ і јаж. Цѧ-
тѧха ара вѧма біма-
зѧма лілагу дена бајна
хадіна јаж.

Ј цогу халан, а жетта,
цѧ цѧ а вахана амѧ
канте: „Бајн, бішарін, јаж
јан хадіна ца хѧ јѧна,

хса хозан таззар дїр
 дара цунна — Сунна дїе-
 май ахса дїр, со ву і
 разк хадїнарїг — алле
 канта. "І разк сунна
 дука бїезара, хан баг-
 дер цун тїех дїеца су-
 на" алле таззар-а ца-
 дїеш вїтна дас шїен
 кант.

Русский перевод из текста
 Т. Э. Эльдарханова¹

Отец своему сыну дал топор. Радуюсь этому, сын
 рубил все, что ему попадалось. Таким образом, он сру-
 бил дерево, посаженное его отцом.

После этого его отец, будучи на прогулке, увидел,
 что любимое и посаженное им дерево кем-то срублено.
 Глубоко огорчившись этим, он пошел к сыну и сказал
 ему: «Ты не знаешь, кто срубил дерево в нашем саду? Я
 бы жестоко его наказал».

«Можете меня наказывать, это я срубил дерево», —
 ответил сын.

«Это дерево мне очень нравилось, но твоя правда мне
 нравится еще больше», — сказав это, он простил сына.

¹ Эльдарханов Т. Э. Чеченская азбука и первая книга для
 чтения. Тифлис, 1911, стр. 39.

III. АРАБСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Точно установить годы проникновения арабской пись-
 менности на территорию Чечено-Ингушетии не удастся.
 Одно несомненно, что как арабский язык, так и письмен-
 ность появились среди чеченцев и ингушей в связи с про-
 никновением мусульманской религии. Следовательно, в
 Чечне арабская письменность появилась не ранее второй
 половины XVII века, а в Ингушетии еще позже.

Уже во время имаматства Шамиля в Чечне появляют-
 ся муллы из местного населения, которые обучают детей
 чеченцев арабской грамоте, то есть читать на арабском
 языке механически, а также и молитвам на этом язы-
 ке. Кроме того, при всех муллах, пользующихся широкой
 известностью, находились школы (хьюьжри), в которых
 учащиеся муталимы усваивали арабскую средневековую
 грамоту.

Мы уже говорили, что Шамиль не сочувствовал ор-
 ганизации письменности на языках народов Кавказа.
 Он и его окружение — муллы — старались внедрить
 арабский язык и письмо, а это не могло иметь успеха,
 так как народ не понимал этого языка.

Вплоть до середины XIX века мы не знаем даже та-
 ких попыток в Чечне, какую сделал Лачинилау в Даге-
 стане, — организовать аварскую письменность, приспособ-
 бить арабский алфавит к аварской, а затем к чеченской
 фонетической системе.

Письменное общение, вся официальная и частная пе-
 реписка в той части Чечни, которая была подчинена Ша-
 милию, шла на арабском языке, а в той ее части, которая
 входила в состав России, официальная переписка шла на
 русском языке, а частная и на русском и на арабском
 языках.

В этот период даже некоторые муллы почувствовали,
 что народ нуждается в письме на родном языке.

Первоначально арабский алфавит и письменность
 проникают в Чечено-Ингушетию вместе с мусульманст-
 вом в таком виде, в каком его употребляли в Аравии и
 Турции. Первые знатоки арабского языка и письма в
 Чечено-Ингушетии подготавливались путем посылки
 учеников в Дагестан и в Аравию. Но трудящимся она не

могла быть доступной, так как для изучения ее нужны были долгие годы.

Несмотря на упорное сопротивление большинства духовенства, препятствовавшего внесению каких-либо изменений в арабский алфавит, несмотря на явную вражду его ко всякому не арабскому языку, необходимость заставила отдельных мулл делать попытки к приспособлению арабского алфавита для нужд национальной письменности народов Северо-Восточного Кавказа. Чечня не была исключением в этом отношении. В конце XIX и в начале XX века в Чечне делаются попытки создать национальную письменность путем приспособления для нее арабского алфавита.

В связи с подъемом экономики, вовлечением Чечено-Ингушетии в сферу хозяйственного развития России возникает потребность в письменности.

В результате возникает первый чеченский алфавит на арабской основе. В нем всего 31 буква.

ا ب ت ث ج
а б т с дж

ح خ د ذ ر
хь х д з р

ز س ش ص
з сен ш зод сод

ب ظ ع غ ف
тl дз l гl п

ق ك ف ل
кх кl кь л

م ن و ه لا
м н в хl ла

ي
е

Специфические чеченские звуки в этом алфавите обозначались всевозможными диакритическими знаками.

س ش ص ض

зод сод ш сен

ط ظ ع غ ف

п г л дз тл

ق ك ل م ن

н м л к кь

و ه لا ي

е ла хл в

چ ژ پ ن ق ف

пл кх г кл ц ч

Всего в алфавите 35 букв.

Дополнительно введены были следующие буквы:

چ (ч), ژ (ц), ن (г), ف (пл)

Новшество по сравнению с предыдущими алфавитами здесь заключается в том, что начали обозначать некоторые чечено-ингушские звуки. Так, если предыдущим алфавитом не обозначались звуки «пl», «ц», «ч», «г», то в книгах, написанных Гайсумовым Сугаипом в 1910 году, мы встречаем слова, где эти смычно-гортанные звуки уже обозначаются.

Гласные «е», «а», «о» и другие обозначались одним и тем же знаком «—» над согласными, в силу чего графическое обозначение одного слова читалось различно.

Кроме этого, в арабском языке есть два звука: *сод* и *зод*, которые не нужны были для чечено-ингушского языка, но тем не менее они были оставлены, так как в языке мулл были арабские слова и для обозначения их были необходимы эти буквы.

Гласные переднего ряда «оь», «аь», «уь» обозначались как соответствующие парные гласные заднего ряда «а», «о», «у».

Отсюда неправильное написание слов. Вместо *котам* писали *катам*, вместо *кхокха* — *кхакха*, вместо *аьлла* — *алла*, вместо *уьраг* — *ураг*, вместо *оьпа* — *опа* и т. д. Это делало значение слова совершенно бессмысленным.

Алфавит Гайсумова Сугаипа без особых изменений просуществовал до 1920 года.

Затем выпущенный букварь А. Тучаева и Т. Эльдарханова был напечатан в основном на этом же алфавите, но с некоторыми изменениями. Были добавлены

смычно-гортанные звуки «чl» — خ и «цl» — چ

Были исключены *сод* и *зод* ص ض

Букварь А. Тучаева и Т. Эльдарханова просуществовал только один год, до 1921 года.

Алфавит А. Тучаева и Т. Эльдарханова до некоторой степени отражал чеченский консонантизм, но вокализм языка он обозначал далеко не достаточно.
В 1922 году арабский алфавит вновь был подвергнут реформе Сугаиповым Шахабом.

Алфавит Сугаипова Шахаба (1922—1925 год)

ا	ب	پ	چ	د	Арабский
а	б	ц	чI	д	Современный

ه	ف	گ	م	ع	Арабский
е	ф	г	хI	I	Современный

ای	ی	ک	ق	ل	Арабский
и	й	к	кх	л	Современный

مر	ن	او	یو	ف	Арабский
м	н	о	об	п	Современный

ر	س	ش	ت	او	Арабский
р	с	ш	т	у	Современный

و	و	و	و	و	Арабский
уь	в	w	х	хь	Современный

ج	ث	Арабский
з	ж	Современный

Двойные буквы:

ت	خ	غ	گ	ف	Арабский
цI	чI.	гI	кI	пI	Современный

ط	ق	Арабский
кь	тI	Современный

Всего 39 арабских букв.

В него вошли такие звуки, как: *об*, *уь* и некоторые смычно-гортанные.

Несмотря на то, что этот алфавит точнее обозначал чечено-ингушские звуки и был более приспособлен, чем другие алфавиты, к фонетической системе чечено-ингушского языка, все же полностью он не мог удовлетворить графические нужды, учитывая в нем наличие в большом количестве диакритических знаков, да и необходимых гласных букв в нем не было полностью. Графика арабского алфавита была настолько сложна, что при беглом написании текста буквы часто сливались, а диакритические

знаки иногда не ставились. Это приводило к большому затруднению понимания читаемого текста.

Таким образом, мы видим, что в Чечено-Ингушетии арабский алфавит, в целях приспособления его к чечено-ингушской фонетической системе, несколько раз реформировался.

Духовенство в Чечено-Ингушетии встречало каждый раз с большой ненавистью и враждебностью даже эти реформы и всячески старалось противодействовать им.

Духовных школ в Чечне и Ингушетии насчитывалось более двухсот. В них училось около 3 тысяч детей. Основной целью обучения в начальных арабских школах было распространение и укрепление мусульманской религии. Такая целевая установка обучения в религиозной школе поощрялась царским правительством.

Все обучение в этих школах можно было разделить на четыре основных этапа:

Первый этап характеризовался тщательным зазубриванием азбуки, причем надо было знать наизусть все диакритические знаки.

Второй этап включал первоначальное чтение, которое проводилось по отдельным отрывкам текстов с религиозным содержанием, причем характерно то, что ученик не понимал прочитанного.

Третий этап включал чтение корана и другой арабской литературы уже более самостоятельно, но при некоторой помощи учителя — муллы и без понимания прочитанного.

Четвертый этап включал изучение религиозных догм.

Таким образом, только на изучение грамоты, то есть на то, чтобы научиться читать и писать, уходило много времени.

Основным методом обучения в религиозных арабских школах являлось заучивание на арабском языке молитв и других религиозных текстов.

Школа стремилась воспитать покорных и глубоко религиозных людей, которые бы верили в бога, свято чтили и исполняли религиозные обряды. Ни о каком действительном обучении и развитии детей в арабских школах не могло быть и речи. Эти школы только притупляли детские способности. Окончившие «полный курс» в хьюьжри становились муллами и имели право обучать детей.

Ученики — муталимы часто были бесплатной рабочей силой для мулл.

Насколько глубоко арабские школы пустили корни в предреволюционный период, свидетельствует то, что даже после установления Советской власти в Чечено-Ингушетии они существовали довольно долго.

В 1929 году в Чечено-Ингушетии были еще 32 духовные школы с охватом 325 учащихся.

Необходимо отметить, что арабская грамота по-настоящему не укрепилась в Чечено-Ингушетии. Не было настоящих ученых-арабистов даже в самых высоких духовных сферах.

На арабском языке в Чечено-Ингушетии не было ни художественной литературы, ни каких-либо светских книг. Муллы, которые руководили духовными школами, были малообразованными, ограниченными людьми. Лишь среди наиболее отсталых масс они считались «учеными» и пользовались известным «авторитетом».

IV. ЛАТИНИЗАЦИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Несмотря на то, что монография П. К. Услара «Чеченский язык» была вторично опубликована в 1888 году, разработана грамматика чеченского языка и создана чеченская азбука, несмотря на то, что такие солидные ученые, как А. Шифнер, П. Услар, А. Дирр и другие, занимались вопросами чечено-ингушского языка, чечено-ингушский народ вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции фактически был бесписьменным, а труды П. К. Услара и Т. Эльдарханова практически не использовались. Все попытки создать письменность для чечено-ингушского народа, письменность, доступную широким кругам населения, терпели поражение.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным говорить о действительном развитии языка и письменности чечено-ингушского народа.

После установления Советской власти на повестку дня одним из первых был поставлен вопрос о просвещении вообще и отсталых национальностей в особенности.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила все национальности Советского Союза от ве-

кового гнета, признала их равноправными и создала все условия для широкого культурно-экономического развития. В резолюции X съезда ВКП(б) сказано:

«...помочь им а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов;

б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»¹.

Для осуществления этих положений, завоеванных Октябрьской революцией, прежде всего необходимо было создать сеть школ, а для этого нужна была письменность на родном языке, которая могла бы привиться и сделаться близкой, понятной и родной народным массам. Арабская письменность в Чечено-Ингушетии не привилась среди трудового народа, но держалась как письменность мулл и муталимов. Усларовская же письменность также не привилась главным образом потому, что царизму использование родной письменности, даже в целях проведения его (царизма) политики, стало казаться слишком радикальным мероприятием.

Великая Октябрьская социалистическая революция, создав почву для развития культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, тем самым создала почву и для развития национальной письменности, которая начала складываться в Чечне и Ингушетии на латинской основе.

В первые годы после установления Советской власти на Северном Кавказе латинская графика легко и быстро распространялась среди широких масс трудящихся и в дальнейшем сыграла положительную роль в деле культурного развития народов.

На Северном Кавказе ранее бесписьменные народы начали принимать латинскую графику, которая гарантировала им быстрое усвоение грамоты.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, изд. 7, Государственное издательство политической литературы, 1954, стр. 559.

В 1920 году впервые на Северном Кавказе делается попытка создания латинской графики для карачаевцев и ингушей. В этом же году на I съезде горских просвещенцев в городе Пятигорске на обсуждение был представлен проект латинизированного алфавита для чеченцев, но под давлением отдельной группы съезда (арабистов) латинский алфавит не был принят для чеченцев и был заменен арабским, несколько приспособленным к чеченскому языку¹.

Среди делегатов, посланных из Чечни, на этом съезде горских просвещенцев преобладали арабисты, которые мешали культурному развитию чеченцев.

Утверждение на этом съезде арабской графики и введение ее в Чечне по сути являлось мероприятием, которое оттянуло развитие письменности на несколько лет.

После принятия арабского алфавита в Чечне начали готовиться кадры учителей преимущественно из арабистов; были открыты три школы, которые получили название школ Шахаба.

Эта система мероприятий по введению и упрочению арабского алфавита являлась большим тормозом в деле распространения грамоты среди чеченского населения. В 1923 году на арабской основе алфавита Сугаипова Шахаба были составлены букварь для первого года обучения, книга по чтению для второго года обучения, задачник и учебник по географии.

На конференции по вопросу культуры и просвещения в автономных областях Северного Кавказа, состоявшейся в 1923 году в городе Пятигорске, было принято решение не ограничивать отдельные национальности в выборе своей графики.

С тех пор латинизация письменности среди горских народов имела большой успех, хотя латинский алфавит распространялся среди них неодинаково быстро. Ингушетия одна из первых на Кавказе приняла латинский алфавит.

Сопrotивление классового врага, понимавшего, что латинизация является революцией на Востоке, ибо она (латинизация) совершенно устраняла мусульманское духовенство от влияния во всех вопросах, связанных с

¹ Приспособленный к чеченскому языку арабский алфавит А. Тучаева и Т. Эльдарханова.

письменностью и грамотой, а следовательно, и с культурой, было не во всех районах Северного Кавказа одинаково сильно. Так, в Чечне, где влияние мусульманского духовенства было более сильно, чем, например, в Ингушетии, обскуранты пользовались известным влиянием, и всякое новшество в письме встречало решительное сопротивление. Даже реформы арабского алфавита (о чем мы говорили выше) встречались нередко враждебно чеченским мультам и той частью населения, которая еще находилась под их влиянием, несмотря даже на то, что реформаторами иногда являлись отдельные представители духовенства (Суганпов Шахаб).

В Ингушетии арабская письменность не успела пустить глубоких корней. Она проникала туда из Чечни довольно медленно. Попытки сопротивления введению латинизированной письменности со стороны кулацко-мульских элементов были, конечно, и в Ингушетии, но они не имели под собой серьезной почвы, ибо самих мулл в Ингушетии было меньше, «квалификация» их была ниже и влиянием они пользовались несравненно меньшим, чем чеченские муллы, почему их притязания на участие в решении вопроса о выборе алфавита не имели успеха. Ингушетия сразу приняла, как мы уже отметили, латинизированный алфавит.

В Ингушетии некоторые работники во главе с Альтимировым М. М. доказывали необходимость принятия графики на основе русского алфавита. Эти люди, среди которых были и представители интеллигенции, не понимали, что в тот период говорить об алфавите на русской основе было рано.

Принять алфавит на русской основе в тот период значило дать оружие классовому врагу для националистической демагогии.

В результате принятия различных основ чеченская и ингушская графики несколько оторвались друг от друга и развитие чеченской и ингушской письменности пошло на первых порах изолированно. Несмотря на то, что, начиная с 1922 года и вплоть до объединения Чеченской и Ингушской автономных областей, неоднократно созывались совещания чеченцев и ингушей для унификации алфавита и сближения письменности, практическое значение их было небольшое. Оно сводилось к некоторым предложениям по устранению отдельных расхождений в

алфавитах и орфографии, которые, кстати сказать, не всегда осуществлялись.

В Ингушетии приказом Ингушского исполкома от 11. VII 1920 года была учреждена комиссия под председательством З. К. Мальсагова для разработки материалов по составлению ингушской графики. Комиссия рассмотрела проект ингушской графики на латинской основе, разработанный З. К. Мальсаговым, и проект М. М. Альтимирова, составленный на основе русского алфавита. По инициативе подотдела национальностей областного отдела народного образования был проведен по вышеуказанному вопросу ряд совещаний с участием специалистов-лингвистов, которые подвергли тщательному изучению оба проекта. В результате обсуждения был принят проект латинизированного алфавита З. К. Мальсагова. Последний приступил к подготовке материалов для грамматики и словаря ингушского языка.

Окончательно ингушский алфавит на латинской основе был утвержден в 1922 году. 1 мая 1923 года вышел первый номер ингушской газеты «Сердало» («Свет»).

В Ингушетии новая письменность быстро привилась и вошла в быт. Уже в 1923—1924 годах были изданы учебники, отдельные произведения художественной литературы и некоторые переводы с русского. В 1925 году З. К. Мальсагов напечатал свою грамматику ингушского языка с кратким словарем.

Ингушский алфавит З. К. Мальсагова:

Лат. а, æ¹, b, c, d, e, f, g, h, ѣ, i, j, k, l, m, n, o, p, q.
Совр. а, а, б, ц, д, е, ф, г, l, хь, и, й, к, л, м, н, о, п, кх,
Лат. r, s, t, u, v, x, y, z, c̃, s̃, z̃, x, ö, ä.
Совр. p, c, t, y, в, х, ы, з(дз) ч, ш, ж (дж), х, оь, аь.
Двойные буквы: лат. ch, kh, ph, th, ch̃, qh, gh, oa, ov, ij.
совр. цl, kl, pl, tl, cl, къ, gl, oa, ов, ий.

Первый ингушский букварь был составлен и издан в 1923 году. Это был букварь З. К. Мальсагова. Горская конференция по вопросам культуры и просве-

¹ Сочетание а и е (не ое) обозначало краткое а.

щения, собравшаяся в 1923 году, констатировала, что на латинскую графику перешли Ингушетия, Северная Осетия и Кабарда и что для остальных национальностей Дагестана и Чечни пока что действующим является арабский алфавит. В тот период немедленный переход на латинизированный алфавит или на алфавит русской основы в тех областях, в которых сильны были арабские письменные традиции, дал бы в руки классового врага оружие для демагогической агитации. Приходилось считаться с тем, что в некоторых районах еще сильны были религиозные предрассудки, необходима была широкая разъяснительная работа для ликвидации арабизированных алфавитов, поэтому вопрос о латинизации пришлось отложить, но это ни в коем случае не значило, что он не продолжал стоять на повестке дня.

Конференция 1925 года записала в число областей, в которых нецелесообразно было немедленное введение латинского алфавита, и Чеченскую автономную область. На конференции 1925 года горячо обсуждались вопросы латинизации чеченского алфавита. Одни говорили, что пока еще рано переходить на латинскую основу, другие совершенно отклоняли вопрос о латинизации, утверждая, что у латинизированного алфавита нет никаких преимуществ перед арабским, но в основном большинством голосов делегаты высказались за латинизацию, и по вопросам чечено-ингушской письменности была вынесена следующая резолюция:

«Устанавливается в качестве графической основы чечено-ингушского языка латинский алфавит в силу того, что в языковом, социально-экономическом, бытовом, историческом отношениях ингуши и чеченцы представляют так много сходства, что справедливее было бы говорить о них как о едином народе. Совещание считает, что объединение их на почве культурной работы является безусловно необходимым и что объединение это в первую очередь должно быть единым как для Ингушетии, так и для Чечни. Работы по установлению единого алфавита на латинской основе и порядку перехода на таковой в Чечне должны быть возложены на объединенную комиссию, избираемую ЦИКами обеих автономных областей»¹.

¹ Резолюция постановления Оргбюро ВКП(б) Чечобласти, Грозный, 1925.

Собственно, вопрос латинизации письма был злободневным для Чечни с 1922 года, когда во Владикавказе были организованы курсы по подготовке учителей ингушей и чеченцев для преподавания грамоты на латинизированном алфавите. В 1925 году в Чечне был разработан латинизированный алфавит Х. Д. Ошаевым.

Чеченский алфавит, составленный в 1925 году Х. Д. Ошаевым

Лат. а, б, с, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, p, q, r, s, t, u, v, x, y, z.

Совр. а, б, ц, д, е, ф, г, х, л, и, й, к, л, м, н, н(носовое), о, п, кх.

Лат. г, s, t, u, v, x, y, z.

Совр. р, с, т, у, в, х, л, з.

С диакритическими знаками:

Лат. ċ, š, ž, x̄, ö, ä, ÿ,

Совр. ч, ш, ж, х̄, о̄, а̄, ӯ. Апостроф обозначал знак обрыва в таких, например, словах: ши', кхо', ди' и т. д.

Обозначение смычно-гортанных звуков:

Лат. ch, kh, ph, th, ċh, qh, gh.

Совр. цл, кл, пл, тл, чл, к̄, г̄.

Таким образом, первоначально чеченский латинизированный алфавит отличался от ингушского:

а) в чеченском отсутствует буква æ, обозначавшая краткий гласный среднего ряда среднего подъема, которая была тогда в ингушском алфавите;

б) в ингушском алфавите буква «у» обозначала редуцированный, типа русского «ы», в чеченском его не было;

в) звук «хл» в ингушском алфавите обозначался буквой ċ, а в чеченском буквой h; например хл̄инца.

Таким образом, видим, что при своем возникновении чеченский и ингушский латинизированные алфавиты не были совсем едиными, в них оказались различия, не оправданные особенностями чеченского и ингушского языков.

Для обозначения дифтонгов были приняты в чеченском: *ie, io, ij, ie* [*dieza* (хочу), *duo* (сапетка), *dij-car* (рассказ)]; в ингушском: *oa, ov, oe, ij* (*oa, ov, oe, ий*) [*loasæ* (короткий), *dov* (вражда), *vijsæ* (ночь)].

Мы уже говорили, что Чечня не сразу перешла на латинизированный алфавит. Латинизация проводилась медленно, в первую очередь она распространялась в детском учебном городке (Серноводск), педтехникуме (Ермоловская) и Совпартшколе (Грозный).

В целом до 1925 года практически действующей для Чечни оставалась арабская графика. В 1925 году вопрос латинизации алфавита был поставлен местными работниками, и после постановления Оргбюро ВКП(б) и облисполкома Чеченской автономной области латинская основа получила соответствующее узаконение, ею стали пользоваться все организации. Даже после упомянутого постановления облисполкома сопротивление кулаков и мулл этому мероприятию не прекращалось. В Грозном в 1925 году Цацаев и другие муллы открыто выступали на учительской конференции против латинизации. Когда местные работники хотели созвать областную конференцию учителей в Грозном, вышеназванная группа сумела настоять на проведении конференции не в Грозном, а в Шалах, где реакционные элементы чувствовали себя крепче, где арабистов было больше.

Но несмотря на сопротивление кулацко-мульских элементов, в результате широкой разъяснительной массовой работы латинизированный алфавит был введен и получил все права гражданства.

Конечно, не надо думать, что противники новой, более удобной и прогрессивной графики на латинской основе были только муллы и кулаки; часть учительства, усвоившая арабизированный алфавит, в силу привычки колебалась в вопросе введения новой графики.

В 1925 году по инициативе Оргбюро облисполкома начинается организация нациздательства. С 18 марта 1925 года стала выходить газета «Серло» («Свет»), которая печаталась на русском и чеченском языках, причем отдельные чеченские тексты до 1927 года печатались на арабском алфавите. С 1927 года эти тексты стали печататься только на латинизированном алфавите, чем определился окончательный перевод чеченского алфавита с арабской основы на латинскую. В газете «Серло»

за 1927 год иногда еще встречаются объяснения написанного на латинизированном алфавите при помощи арабского шрифта. Скоро нужда в этом отпала. Но тексты на латинизированном алфавите в газете «Серло» начинают печататься в 1925 году. В этом же году выходит букварь М. Сальмурзаева на латинском алфавите. Этот букварь был составлен по образцу русского букваря «Наша нива — наша сила».

Темпы латинизации в Чечне первоначально задерживались и тем, что в ней не было своей типографии с латинизированным шрифтом, тогда как Ингушская автономная область в городе Владикавказе с 1923 года имела свою типографию с этим шрифтом, поэтому на первых порах чеченская литература на латинизированном алфавите печаталась в городе Владикавказе.

Резюмируя изложенное, надо сказать, что в Чечне и Ингушетии против революционного для того времени латинизированного алфавита сгруппировалось три течения.

Муллы и арабисты во главе с Цацаевым и его ученики — муталимы всеми силами отстаивали арабский алфавит, на котором написан «священный» коран. Они выступали против алфавита большевиков и им удавалось иногда тянуть за собой наиболее отсталых крестьян.

Вторая группа состояла также из арабистов — мулл, и она примыкала фактически к первой. Эти люди понимали трудность арабского алфавита, но стояли за реформированный арабский алфавит, то есть за тот алфавит, который был в Чечне с 1922 по 1925 год (Сугаипов Шахаб и др.).

Третья группа — мелкобуржуазная городская интеллигенция, которая более или менее знала русскую грамоту. Эта группа настаивала на русской основе алфавита, но не в интересах сближения с великим русским народом.

Все эти группы фактически были из одного лагеря. Замыслы у них были общие, а именно: не дать развиваться и расти социалистической по содержанию и национальной по форме культуре трудящихся Чечено-Ингушетии.

Но несмотря на их происки, латинский алфавит был введен и принес пользу на определенном этапе развития национальной письменности.

С 1925 года в Чечне начинается организация кружков

и курсов по изучению латинизированного чеченского алфавита, в газете появляются статьи, издается литература. В этом же году в Горячеводске организуются курсы для учителей по изучению латинской графики.

В результате перехода на латинскую основу алфавита усилились темпы развития письменности, а следовательно, чеченского и ингушского литературных языков, советская школа стала действительно массовой, началась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, начала издаваться литература массовыми тиражами.

Латинизация выбила из рук арабистов, из рук мулл дело национальной письменности. В этом огромное революционное значение латинизации в тот период.

Однако несмотря на то, что латинский алфавит принес огромную пользу в деле культурного развития и распространения грамотности среди широких слоев населения Чечено-Ингушетии, он все-таки имел очень большие недостатки, сводящиеся к следующему:

1. Латинский алфавит за 13 лет своего существования в Чечне и 15 лет существования в Ингушетии претерпевал целый ряд изменений, и одно это уже говорило о непригодности его, вернее о невозможности приспособления последнего к унификации обоих алфавитов (чеченского и ингушского).

2. Латинский алфавит, имея в своей основе только 24 знака, не обозначал все существующие звуки чеченского и ингушского языков: например «*ml*», «*nl*», «*cl*», «*gl*» и т. д.

3. Наличие диакритических знаков в системе латинизированного алфавита, как *ž*, *ü*, *ö*, *ä* и т. п., затрудняло письмо и чтение.

Несоответствие чеченских и ингушских букв звукам, например *y* — *l*, *h* — *x*, *q* — *kx* и др., очень затрудняло чтение и письмо.

Зачастую диакритические знаки при наборе и печатании выпадали (не говоря уже о трудностях их написания), и тогда затруднялось и задерживалось беглое чтение.

4. Система латинского алфавита была уже нарушена введением в него диакритических знаков.

Таким образом, латинизированный алфавит, на опре-

деленном этапе развития Чечни и Ингушетии способствовавший устранению арабистов-обскурантов от отрицательного влияния их в деле поднятия культурного уровня широких трудящихся масс, в дальнейшем стал помехой для культурного роста и интернационального сближения чеченцев и ингушей с остальными народами СССР и в первую очередь с русским народом.

V. УНИФИКАЦИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В основу унифицированных национальных алфавитов в СССР до 1936 года была положена латинская графика.

Задача унификации заключалась в том, чтобы дать ранее угнетенным царской Россией народностям вполне соответствующие звуковому составу их языков алфавиты и добиться обозначения одинаковых звуков этих языков одинаковыми буквами.

Осуществление этой задачи имело, кроме практического, еще и политическое значение, поскольку в возможной мере сближало графики народов СССР, принявших латинскую основу алфавита.

Именно поэтому наряду с латинизацией горских алфавитов на Северном Кавказе не раз поднимался вопрос об унификации их, в результате проведения которой облегчалось бы взаимное усвоение письменности горскими народами и тем самым укреплялись бы культурные и языковые связи среди них. Кроме того, унифицируя алфавиты, народы Северного Кавказа, например, широко обменивались бы опытом в организации и развитии письменности.

Не случайно поэтому вопросы латинизации и унификации возникли одновременно. Унификация в тот период была связана с латинизацией.

На краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа в 1925 году окончательно был поставлен вопрос о введении латинской графики для всех национальностей, кроме того был поставлен вопрос об унификации в первую очередь письменности родственных народностей Северного Кавказа.

В этом же году было решено, что нужно созвать конференцию по унификации чеченского и ингушского алфа-

витов в городе Владикавказе. Но эта конференция не состоялась. Далее, в 1925 году состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд, который избрал Всесоюзный Центральный Комитет нового тюркского алфавита (НТА) под председательством Агамалы-Оглы. В 1927 году в Баку первый пленум ВЦК НТА принял единый унифицированный алфавит для всех тюрко-татарских народов.

В 1928 году созванный в Ташкенте II пленум ВЦК НТА постановил унифицировать алфавиты кавказских национальностей. Это постановление в свою очередь должен был осуществить Северо-Кавказский краевой комитет нового алфавита (Сев.-Кав. КНА).

До этого по существу работа по унификации чеченской и ингушской письменности носила случайный, эпизодический характер.

Поэтому созванная в 1928 году во Владикавказе конференция по вопросам унификации чеченского и ингушского алфавитов была своевременна и чрезвычайно важна.

На конференции был заслушан доклад профессора Н. Ф. Яковлева «О звуковом составе чечено-ингушского языка». На этой же конференции был принят проект унифицированного алфавита, выработанный З. К. Мальсаговым и Н. Ф. Яковлевым.

Н. Ф. Яковлев и З. К. Мальсагов предложили назвать унифицированный алфавит вайнахским или нахским алфавитом.

«Благодаря тому, что термин «вайнахи» (наш народ) в устах чеченцев применим не только к чеченцам, но и к ингушам, в устах последних в одинаковой мере обозначает и чеченцев, он и может быть принят для обозначения единства чечено-ингушской группы языков и культур»¹.

На конференции 1928 года не было достигнуто полной унификации чеченского и ингушского алфавитов: первый несколько отличался от второго.

З. К. Мальсагов совершенно правильно указал на значение конференции:

«Она положила начало совместному обсуждению культурных нужд и выработала некоторую основу для

¹ Протоколы конференции 1928 года, архив Облика.

объединения и дальнейшего развития письменности. Эта основа — общий алфавит. Как бы несовершенен он ни был, работа с его помощью и работа над ним самим станет работой *общей и единой*, а это главное, что нужно»¹.

К началу работы конференции между чеченским и ингушским алфавитами имелись расхождения, не оправданные особенностями живой речи. Конференция поставила перед собой задачу — ликвидировать эти расхождения и унифицировать алфавиты в той мере, в какой это позволяют фонетические системы чеченского и ингушского литературных языков.

Результаты работы конференции можно видеть из следующей таблицы:

Существовавшие алфавиты		Предложение унификации	
чеченский	ингушский		
a	a	a	<i>valar</i> — кончать <i>vælar</i> — умереть (короткое „æ“)
—	œ	a	
b	b	b	
c	c	c	<i>diezar</i> — хотеть межсвязочный глухой фрикативный <i>hilla</i> — хитрость
d	d	d	
e	e	e	
ie	—	ie	
f	f	f	
g	g	g	
y	h	y	
h	h	h	
i	i	i	
j	j	j	
k	k	k	
l	l	l	
m	m	m	

¹ Мальсагов З. К. Культурная работа в Чечне и Ингуши в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928, стр. 7—8.

Существовавшие алфавиты		Предложение унификации	
чеченский	ингушский		
п	п	п	<i>dikaŋ</i> при надобности гортанный фрикативный глухой <i>ħaħar</i> — смотреть ши', кхо'
п̣	п̣	п̣	
о	оа	оа	
р	р	р	
q	q	q	
г	г	г	
с	с	с	
т	т	т	
у	у	у	
в	в	в	
х	х	х	
з	з	з	
х̣	х̣	ħ	
š	š	š	
č	č	č	
ž	ž	ž	
ch	ch	ch	
kh	kh	kh	
ph	ph	ph	
th	th	th	
čh	čh	čh	
qh	qh	qh	
gh	gh	gh	
,	—	,	
ä	ä	ea	
ö	ö	eo	
ü	ü	eu	

Конференция не оправдала возлагавшихся на нее надежд: ни унификации чеченского и ингушского алфавитов, ни существенного улучшения их качества она не добилась.

З. К. Мальсагов оценил решения конференции следующим образом:

«Проект алфавита, принятый конференцией, не лишен, конечно, недостатков. Особенно надо подчеркнуть неудобство графической унификации звуков *a* и *ae* различение которых существенно важно по соображениям теоретическим и практическим. Соответствующая точка зрения в комиссии была настойчиво подчеркнута и не получила осуществления лишь вследствие того, что обе стороны равно отрицательно относились к букве *ae*, графические недостатки которой, бесспорно, значительны. Точно так же была отвергнута предложенная взамен ее буква *ð*, наличная в азербайджанском алфавите. В этой части унифицированный алфавит должен быть признан неудовлетворительным и подлежащим дальнейшей обработке. Мало доказательно также преимущество двойных начертаний *ea*, *eo*, *eu* перед *ä*, *ö*, *ü*. В орфографическом отношении следовало бы предпочесть именно последние, к тому же неудобство диакритических знаков в данном случае уравнивается громоздкостью и неэкономностью двойных начертаний. Можно возражать также против ликвидации *п̣*¹.

Мы привели эту длинную цитату потому, что в сущности она почти исчерпала характеристику решений конференции. Но, по нашему мнению, нельзя в оценке конференции ограничиться только этими словами.

З. К. Мальсагов возражал против трех написаний: *ae* — *a*, *п̣* и дифтонгов *ei*, *eo*, *eu*. Трудно согласиться с обозначением *айн* через *y* (*Ia* — *ya*), с необходимостью обозначать в чеченском письме ингушского дифтонга *оа*, ибо он в чеченских диалектах и литературном языке не является дифтонгом.

Совершенно правильно поступила конференция, рекомендуя ввести в ингушский алфавит «'» для обозначения

¹ Мальсагов З. К. Культурная работа в Чечне и Ингуши в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928, стр. 7.

ния перерыва в голосе, и этим устранила разноречие в написании некоторых звуков: межсвязочного глухого фриктивного *h — ħ*, *айна j — h — h* гласного переднего ряда, среднего подъема *i — j — i* фриктивного глухого гортанного *x — ħ — ħ*.

Из ингушского алфавита позднее было совершенно исключено всякое обозначение дифтонгов (за исключением *oa*: *доахан* — скот, *блоагла* — столб), лабиализованных гласных *ö* и *ü* и редуцированного (иррационального) *æ*.

Исключение из алфавита *æ*, кстати сказать, фонемы в ингушском языке (сравни *вала* — выйти, *væla* — умереть), сближало чеченский и ингушский алфавиты, но отклонение от обозначения лабиализованных гласных переднего ряда повело к нарушению унификации. Нужно отметить, что те товарищи, которые во вражали против сохранения в ингушском алфавите *ö (ов)* *ü (уь)*, имели достаточное основание на то. Дело в том, что эти звуки в ингушском языке (диалекте) не являются фонемами (сравни *Оббан* — *Эбан* — название села, *оьрсе* — *эрсе* — русский, *уьла* — *ййла* — мысль, *уьйче* — *ийче* — коридор). Но учитывая, что эти звуки имеются в ингушском языке (диалекте), названные звуки употребляются, а буква *ö (ов)*, обозначавшая лабиализованный гласный переднего ряда, даже была в 1923 году в ингушском алфавите, было бы в интересах унификации введение *ö (ов)* *ü (уь)* в ингушский алфавит.

Хотя конференция не дала даже того, что от нее можно было ожидать в тот период, когда многие вопросы чеченской и ингушской письменности не были новыми, как-то: фонемный состав диалектов, слитное и раздельное написание, — все же она оказалась полезной. Она показала целесообразность совместного обсуждения чеченцами и ингушами вопросов алфавита, орфографии, народного образования и других проблем культурной революции.

Подобные совещания проводились и раньше. Так, до 1927 года было созвано несколько совещаний с участием в них работников печати — чеченцев и ингушей. На них обсуждались вопросы о единой письменности, составлении единых планов работы и многие другие. Но несмотр-

я на то, что принимались правильные решения, которые могли быть легко осуществлены, иногда дело не двигалось с места, и решения оставались на бумаге. Все же совещания и конференция по согласованию мероприятий по развитию чеченской и ингушской письменности имели большое значение, они будили и направляли мысль на совместное и одинаковое разрешение вопроса культурного развития Чечни и Ингушетии.

Мы уже говорили, что на Северном Кавказе латинизация горских алфавитов проводилась параллельно с унификацией их. Унификация впервые началась на Северном Кавказе, потом среди тюрко-татарских народов. Так, в 1930 году в городе Алма-Ате был созван IV пленум Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Этот пленум подвел итоги, с одной стороны, проведенной работы по латинизации и унификации алфавитов братских республик и других автономных образований Советского Союза, а с другой стороны, на этом пленуме были обсуждены дальнейшие перспективы языкового строительства в национальных областях и республиках.

В резолюции по отчетному докладу Сев.-Кав. КНА пленум констатировал: «Северный Кавказ явился одной из первых в Советском Союзе национальных территорий, взявших на себя инициативу латинизации всей письменности (начиная с 1920 года), а также одной из первых в Союзе территорий, полностью перешедших на новый алфавит и окончательно ликвидировавших всякую письменность на старой арабской основе (1928 год)»¹.

Северо-Кавказский комитет за это время сумел на многочисленных горских языках создать значительную литературу на новом латинизированном алфавите, а также проделать большую работу по унификации письменности горских народов.

Культурный рост широких масс чечено-ингушского народа позволил, больше того, диктовал необходимость постановки по-новому ряда принципиальных вопросов языкового строительства в Чечено-Ингушской республике. А поэтому в 1934 году, после объединения двух областей — Чеченской и Ингушской, — ранее разоб-

¹ Резолюция пленума Сев.-Кав. КНА.

щенных, стал в порядок дня вопрос о достижении единства чеченского и ингушского алфавитов.

Так, ко времени объединения Чеченской и Ингушской областей в Чечне был принят следующий алфавит:

Лат. a b v g d j e ž z i k l m n o ŋ p r s t u f x
Совр. а б в г д е ж з и к л м н о (носовое) п р с т у ф х

Лат. c ġ š e ju ja ħ
Совр. ц ч ш э ю я хь

Двойные буквы:

Лат. xh gh kh ph th ch čh q qh
Совр. хІ гІ кІ пІ тІ цІ чІ кх къ

С диакритикой: Лат. ä ö ü
Совр. аь оь уь

Ингуши имели алфавит, несколько отличающийся от чеченского:

Лат. a b c d e f g h ħ i l k l m n o p r s t u f x č ž š
Совр. а в ц д е ф г хІ хь и й к л м н о п р с т у ф х ч ж ш

Двойные буквы:

Лат. xh gh kh ph th ch čh q qh
Совр. хІ гІ кІ пІ тІ цІ чІ кх къ

Таким образом, к моменту объединения эти алфавиты имели следующие расхождения:

во-первых, отличался порядок букв в алфавитах;
во-вторых, изображение задненебного глухого спиранта было двойко: в чеченском через букву ħ, в ингушском через ħ;

в-третьих, в отличие от чеченского алфавита в ингушском отсутствовали буквы ö, ü, ŋ.

После объединения Чеченской и Ингушской областей обком ВКП(б) и облисполком, обсудив вопрос о созда-

нии единого чечено-ингушского литературного (письменного) языка, дали четкие установки по этому вопросу. Имея в виду, что единый алфавит есть одна из основных предпосылок к созданию общего чечено-ингушского литературного языка и что ликвидация расхождений в алфавитах является первоочередной задачей, выработать и утвердить единый алфавит для чеченцев и ингушей.

Опубликованное постановление облисполкома от 14 апреля 1934 года «Об едином алфавите» обязывало сельскохозяйственные, кооперативные, профессиональные и все организации ввести этот алфавит. Но несмотря на это, при печатании чеченской и ингушской литературы допускались отступления от утвержденного алфавита.

Многие делегаты конференции, особенно ингуши, признавая, что в чечено-ингушском языке существуют носовые гласные, утверждали, что они не являются фонемами, возражали против обозначения их в письме и настаивали на изъятии из алфавита буквы ħ, обозначающей назализацию. Часть ингушских и большинство чеченских делегатов, доказывая фонематичность звука ħ и считая, что при изъятии обозначающей его буквы из алфавита не будут различаться некоторые грамматические формы (прилагательные и наречия, причастия и прошедшее время, инфинитив и повелительное наклонение), настаивали на сохранении в едином чеченском алфавите этой буквы.

Конференция большинством голосов постановила не включать в единый чечено-ингушский алфавит ħ.

Против введения буквы ħ вместо ħ возражений не было, и она была принята безоговорочно.

Практика показала, что обозначение назализации в некоторых случаях необходимо, и потому постановление конференции о ненужности обозначения ее явилось ошибочным.

Таким образом, на конференции после некоторой дискуссии вопрос о едином алфавите для чеченцев и ингушей был разрешен положительно.

Чечингоблисполком после окончания работы конференции на заседании от 14 апреля 1934 года принял упомянутое нами постановление о едином чечено-ингушском алфавите. Приводим этот алфавит:

Лат. a b v g d j e e z z i j k l m n o p r s t u
 Совр. а б в г д е е ж з и й к л м н (носовое) о п р с т у
 Лат. f x c č š (') e ju, ja дополнит. знаки „l“, „h“
 Совр. ф х ц ч ш (') э ю я

Двойные буквы: gh kh ph th ch čh q qh b ä ö ü
 g l k l p l t l c l k x k x h a b o u y
 je — e писалось в начале слова и после гласных —
 jexk, e — e в середине слов — после согласных белхало,
 e — э — электричество.

Постановление облисполкома должно было явиться
 значительным шагом в деле сближения чеченской и ин-
 гушской письменности. Единый алфавит мог служить
 основой для дальнейшего сближения орфографий. В ал-
 фавите, утвержденном облисполкомом, мы видим букву
 џ, что вполне соответствует звуковой системе чечено-ин-
 гушского языка. Во всем остальном облисполком согла-
 сился с решением языковой конференции 1934 года.
 Ингушские учебники и всю литературу на ингушском
 языке продолжали печатать без букв ö, ü, хотя в раз-
 говорной ингушской речи эти звуки бытуют и введение их
 в алфавит и орфографию не представило бы никаких
 неудобств.

С 1934 года вопрос о едином алфавите, а в связи с
 этим о введении в ингушский алфавит букв ö, ü неодно-
 кратно поднимался вновь в связи с вопросом необходи-
 мости ликвидации разнобоя между чеченским и ингуш-
 ским алфавитами и орфографиями. По этим вопросам в
 1937 году было созвано широкое совещание работников
 культуры при Чечингиздате, на котором был обсужден и
 решен вопрос о введении в ингушский алфавит лаби-
 ализированных гласных переднего ряда ö, ü. Этим было
 достигнуто полное единство чечено-ингушского алфавита
 и решен вопрос о правилах употребления лабиализован-
 ных гласных в ингушской орфографии. Это совещание
 по докладу Д. Д. Мальсагова вынесло следующее поста-
 новление¹:

«В целях ликвидации неоправданного особенностями
 ингушского диалекта разнобоя между чеченской и ин-

¹ Протоколы совещания, проведенного в Чечингиздате в 1936
 году.

гушской письменностью и в целях выполнения постанов-
 ления Чечено-Ингушского областного исполкома от
 14 апреля 1935 года «О едином чечено-ингушском алфа-
 вите» признать необходимым:

I. Введение в ингушский алфавит букв ö, ü, џ, чем
 достигается полное единство чечено-ингушского алфа-
 вита.

Установить следующие обязательные правила написа-
 ния этих букв:

а) в конце прилагательных — наречий, оканчиваю-
 щихся на гласную букву, не писать в прилагательных,
 стоящих в косвенных падежах и в именительном падеже
 множественного числа;

б) на конце имен существительных именительного па-
 дежа единственного числа, оканчивающихся на назали-
 зованные гласные, и т. д.;

в) в корнях тех слов, в которых ö, ü произносятся
 факультативно, писать ö, ü, а не э, о;

г) переголосовку (смягчение корневых о, е, ов) в
 глаголах обозначать через ö, а не е:

дехар — дөха, а не деха,
 техар — төха а не теха;

д) в интернациональных терминах э писать через э,
 а не через е;

е) в корнях слов, в которых ö, а иногда и ü произно-
 сится факультативно, писать ö, а не ü и не е;

ж) во всех заимствованных из русского языка или
 через русский язык словах, в которых русское «ю» соче-
 тается с предшествующей согласной, писать ju;

з) дифтонг ie обозначать во всех открытых слогах, но
 не обозначать в закрытых.

IV. Рекомендовать употреблять в ингушском письме
 наряду с несамостоятельными формами прилагательных
 и самостоятельные (субстантивированные) на «ниг» —
 диканиг, вониг.

V. Всю заимствованную интернациональную и совет-
 скую терминологию, а также всю послеоктябрьскую тер-
 минологию, образованную на основе родного языка, при-
 вести к единству и считать обязательной для всего чече-
 но-ингушского языка.

Как уже сказано выше, это совещание предусматривало ликвидацию в ингушской орфографии тех отличий, которые были не оправданы особенностями живого произношения. Вышеперечисленные правила и изменения ингушскую орфографию не усложняли, а в значительной мере приближали ее к чеченской орфографии, поэтому эти изменения должны были явиться большим шагом к сближению письменности и тем более к созданию единого чечено-ингушского литературного языка.

Подобная реформа ингушской орфографии явилась большим сдвигом в деле языкового строительства.

Последующая задача языковедов заключается в изучении законов редукции и усечения гласных, законов изменения корневых гласных во всех диалектах чечено-ингушского языка, на основе которого (изучения) могут быть выработаны орфографические нормы, которые бы нивелировали диалектальные разделения.

Выполнить эту задачу — значит в значительной мере разрешить вопрос о едином чечено-ингушском литературном (письменном) языке.

VI. НОВЫЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ АЛФАВИТ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИЙ

Лишь на основе ленинской национальной политики чеченцы и ингуши после Великой Октябрьской социалистической революции получили возможность строить свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

Согласно Конституции СССР, принятой в 1936 году, Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в автономную советскую социалистическую республику, что потребовало дальнейшего повышения культурного и политического уровня трудящихся Чечено-Ингушетии.

Повышение культурного уровня связано было с расширением грамотности, которая являлась стержнем культурного строительства. Значение грамотности в деле построения коммунистического общества общеизвестно.

В первые годы после Октябрьской революции на повестку дня в первую очередь ставился вопрос о создании

национальной письменности для всех национальностей Советского Союза, которые ее не имели.

Латинизированный алфавит в Чечено-Ингушетии в свое время сыграл положительную роль. В ожесточенной схватке с обскурантами всех мастей, националистами и шовинистами латинская письменность на основе латинизированного алфавита одержала крупную победу и сыграла большую роль в деле распространения грамотности среди широкого населения Чечено-Ингушетии.

Таким образом, если латинизация действительно сыграла большую роль на Востоке, в том числе и в Чечено-Ингушетии, то практика применения латинского алфавита показывала, что она уже не стала соответствовать возросшим требованиям современности, хотя результаты, которые были получены в процессе обучения грамоте, и являлись сравнительно большими.

В новых условиях, уже в социалистической Чечено-Ингушской республике, нужен был такой алфавит, который сближал бы письменность всех народов СССР. Чеченский и ингушский алфавиты, составленные на основе русского алфавита, отвечали этим требованиям.

Энгельс говорил, что русский язык «...всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых, живых языков, так и ради раскрываемой им литературы»¹.

Русский язык является мощным средством интернационального общения между народами Советского Союза, всемерно способствующим их дальнейшему культурному росту. Русскому народу принадлежит ведущая роль в великом содружестве народов, входящих в состав Советского Союза.

На русском языке написаны работы вождя мирового пролетариата — Ленина, на русском языке писали Пушкин, Белинский, Тургенев, Толстой и другие.

Русская культура стала ведущей не только в СССР, но и далеко за его пределами. Русский язык стал родным и любимым языком всех национальностей Советского Союза.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, Партиздат ЦК ВКП(б), 1933, стр. 239.

Народы Советского Союза, приобщаясь к русской культуре, тем самым развивают свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру. Достижьи вершин мировой культуры чеченцы и ингуши могут только с помощью русского языка. Общение через русский язык будет способствовать развитию и обогащению и родного языка. Поэтому переход чечено-ингушской письменности на русскую основу алфавита означал огромный скачок в культурном развитии чеченцев и ингушей.

На основу русского алфавита перешли многие народы нашей Родины, и поэтому принять алфавит на русской основе значило совершить большой шаг к сближению чечено-ингушской письменности не только с русской, но и с письменностями других народов СССР.

Таким образом, осуществляется подлинная унификация алфавитов в более широких масштабах, чем при латинизации. Изучение всех богатств диалектов, обогащение ими младописьменных литературных языков будет способствовать быстрейшему приближению орфографических норм к живому народному языку трудящихся масс. Единый чечено-ингушский язык может постепенно вырабатываться. Живое интенсивное общение представителей всех диалектов будет способствовать этому.

Единство графики, в которой одинаковые звуки в чеченской и ингушской письменности будут обозначаться одинаково, имеет большое значение в осуществлении важнейшего вопроса культурного строительства Чечено-Ингушской республики.

Преимущества русского алфавита над латинским бесспорны и вот почему:

1. В латинизированном алфавите допущено было слишком много отступлений от латинского алфавита, он отдалял чеченцев и ингушей от русской культуры и не способствовал сближению их с народами, имеющими латинский алфавит. Следовательно, этот алфавит стал противоречить принципу интернационального сближения народов СССР.

2. Латинский алфавит создавал большой разрыв между чечено-ингушской и русской письменностями. Так,

учащийся одну и ту же букву «в» должен читать в двух значениях — в русском алфавите как губно-зубной глухой фриктивный, а в латинском алфавите как губно-губной звонкий взрывной; в русском алфавите буквы «п», «р», «с», «т», «у» и т. д. обозначают одни звуки, в латинском — другие.

Это противоречие в алфавитах сильно затрудняло усвоение учащимися родной и русской грамоты и отнимало у них массу времени на заучивание ими разных значений одинаковых букв, тогда как это время можно было использовать более рационально.

3. Латинский алфавит тормозил разрешение основного вопроса языкового строительства Чечено-Ингушетии, а именно вопроса развития единого чечено-ингушского алфавита.

4. В новом алфавите отсутствуют диакритические знаки (за исключением одного знака над кратким «й»), которые в латинском алфавите являлись большим тормозом для выработки у учащихся навыков беглого письма (вследствие необходимости отрыва руки при письме). Эти же знаки были неудобны в связи с имевшимися частыми случаями выпадений их при типографском наборе.

5. Перевод письменности чеченцев и ингушей с латинизированного алфавита на русский создал возможность использования для нужд родной письменности всего богатства русской полиграфии (кадры полиграфических работников, наборные машины, единые кассы типографских шрифтов), а также и пишущие машинки с клавиатурой, имеющей русский шрифт. Очевидны удобства такого перевода и для почтово-телеграфной связи.

6. Русский алфавит намного облегчает усвоение необходимого материала и для тех, кто желает изучить чеченский и ингушский языки.

7. Русский алфавит обеспечивает обозначение всех фонем чеченского и ингушского языков.

Для составления нового алфавита и орфографии из Института языка и письменности народов СССР был приглашен в Чечено-Ингушетию профессор Н. Ф. Яковлев. На совещании учителей, чеченцев и ингушей города Грозного, совместно с работниками Нациздательства,

Наркомпроса и Чечено-Ингушского научно-исследовательского института были представлены профессором Н. Ф. Яковлевым на обсуждение два проекта нового алфавита (для чеченского и ингушского языков). Новые чеченский и ингушский алфавиты были приняты в 1938 году.

Чеченский алфавит на русской основе

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъ, Ы, Ь, Ээ, Юю, Яя, II, XI xI, ГI гI, KI кI, ПI пI, TI тI, CI цI, ЧI чI, Kx кx, Kъ къ, Xъ хъ, Aъ аъ, Oъ оъ, Уъ уъ, ё, й, ш, ю, яь.

Ингушский алфавит на русской основе

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъ, Ы, Ь, Ээ, Юю, Яя, II, Xx, XI xI, ГI гI, KI кI, ПI пI, TI тI, CI цI, ЧI чI, Kx кx, Kъ къ, Xъ хъ, Aъ аъ.

После трехдневного обсуждения оба проекта были приняты и утверждены.

Составить алфавит для чеченского и ингушского языков без нарушений основ русского алфавита являлось делом довольно затруднительным при наличии в названных языках звуков, отсутствующих в русском языке. Но с этой задачей составитель проектов справился довольно удачно с точки зрения сохранения основы русского алфавита, хотя и не удалось избежать двойных букв, которые увеличились от 7 до 15. То есть их оказалось в два с лишним раза больше, чем раньше.

Начертанием, установленным в алфавите на русской основе, достигается большая последовательность в обозначении звуков, например звук «кх» акустически весьма близок к слитным «к» и «х» (*кхакха* — овчина, *кхо-кха* — голубь, *кхетам* — понятие и т. д.).

Обозначение надгортанных (смычно-гортанных) со вторым компонентом — буквой *I* — более последовательно, чем с *h*. Глубокозадненебный надгортанный «кхI» во избежание тройного написания принято было обозначать через *къ*:

цIа — дом,
тIай — мост.
пIенда — ребро,

кIа — пшеница,
чIара — рыба,
къора — град.

Гортанный глухой фрикативный согласный обозначается двойной буквой *хъ*:

хъайба — скотина,
Хъамид — Хамид.

Слова, в которых встречаются двойные буквы с «I», «х», «ъ», «ь», пишутся без второго компонента первой буквы:

даккъаш — вершины,
буьххъе — на конусе.
маккхал — коршун.
ьяттIа — порвалось.

Назализация гласных обозначается через букву «п» в словах, отвечающих на вопрос *хенан? стенан?* и в односложных словах, где назализация гласного ясно слышится:

пешан — печной,
вон — плохой,
дечган — деревянный и т. д.

Гласные переднего ряда «аь», «оь», «уь» обозначаются сочетанием букв через *а—аь*, *о—оь*, *у—уь*, например: *аьлла*, *тоьлла*, *уьйр*.

Дифтонг «ие» обозначается через *э* в начале слов и слогов, а в слоге с предшествующим согласным через *е*, но допускается в отдельных случаях долгий дифтонг (в открытых слогах) обозначать через *иэ*:

эца/иэца — купить,
деша/диеша — читать.

В отличие от старой орфографии допускалось обозначение дифтонга *уо* в открытых долгих слогах, где он явственно слышится. Пример:

дуо — сапетка,
муо — шрам и т. д.

Ъ перед гласным *е*, *ю*, *я* служит разделительным знаком, как и в русском письме, а также знаком перерыва голоса (гамзы) после гласных и между гласными:

кагъелла — сломалась,
шиъ — два.

Слоги, состоящие из гласных «а», «э», «у», «уь», «оь» с предшествующим «й», пишутся через *я*, *е*, *ю*, *юь*, *оь*; *й* пишется перед *и*, *о*, *оа*, *оь*, «йе» через «е»:

екха — тощий,

«йе» через ю:

«йа» через я:

«ё» через йо:

ютту — наливает;

ягорг — горючее;

йол — сено.

Слоги «йа», «йу», «йо» обозначаются через *яь*, *юь*, *йов*:

юьтту — стирает,

яьжна — паслась.

После утверждения алфавита совещание продолжило работу по разработке чеченской и ингушской орфографии на основе новых алфавитов. Как известно, до 1938 года не было единой, твердо нормированной орфографии, утвержденной в соответствующем законодательном порядке. После принятия новых алфавитов нужно было составить орфографию.

Новые орфографии внесли изменения в практически установившиеся до них нормы написания, например в конце слов никогда не писать удвоенные согласные: *хат* — грязь, *бат* — морда, *мот* — язык и т. д., хотя в позиции перед гласными долгота согласных ясно слышится. *хоттан*, *беттан*, *меттан*. Трудно признать целесообразность этого правила, противоречащего морфологическому принципу написания. Практика исправляла эту ошибку.

Эти написания приняты на основе последовательного применения фонетического принципа.

В обозначении гласных «а», «о», «и», «е» неударных слогов не существовало единообразия; например, чеченцы писали: *хорбуз*, *кетар* и т. д., а ингуши: *харбаз*, *кетар*.

Этот разнобой устраняется новой орфографией путем установления единой системы написания всех сомнительных гласных (гласных не первого слога) через *а* во всех словах, за исключением глаголов; например, в чеченском письме: *хорбаз* — арбуз, *кетар* — шуба вместо *хорбуз*, *кетир* по новой орфографии; в ингушском письме: *эггар* — самый, *тлакхалг* — деревянное блюдо и т. д. Этим упрощаются и сближаются орфографии.

Устанавливалось единообразие в написании сомнительных кратких гласных перед конечными согласными *к* и *г* через букву *и*, например в чеченском:

диканиг (а не *диканаг*) — хороший,
дечиг (а не *дечаг*) — дерево,
эчиг (а не *эчаг*) — железо и т. д.,

а в ингушском в окончаниях существительных и прилагательных перед мягким согласным *г*, *га* пишется через *и*:

джIалиг — собачка,

галиг — мешочек,

зIамига — молодой.

До принятия нового алфавита и орфографии в чеченском письме назализация гласных обозначалась и через *п*.

Наличие большого количества случаев написаний носого *п* прежде всего затрудняло и загромождало чеченскую орфографию.

Новая орфография устраняет чрезмерное употребление буквы *п*, которая должна была обозначать носовой оттенок гласного, но которую писали часто и там, где в произношении назализации не было, например в порядковых числительных. Новая орфография устанавливает обозначение назализации через *и* и обозначение ее только в 2 случаях, а именно:

а) во всех односложных словах с назализованной гласной в исходе *и*:

цIиэн — красный,

хьун — лес,

лан — подкова;

б) в словах, отвечающих на вопрос *хьенан?* (кого? чей? к чему относящийся?), то есть в форме родительного падежа обоих чисел всех склоняемых слов:

цIийнан кор — окно дома,

маьлхан зIаьнарш — лучи солнца,

тIергIан пазаташ — шерстяные чулки.

До сих пор слова с сочетаниями согласных «ст» писали разное. Так, одни писали *стака*, другие — *така*, третьи — *сака*. Это диалектальное различие в произношении имело отражение и в письме. По новой чеченской орфографии устраняется этот разнобой и устанавливается в чеченском письме единая литературная форма написания «ст». У ингушей литературная форма написания слов — *с*, *саг*, *сим*, *сагар*, *самар* согласно живому произношению.

По старой чеченской и ингушской орфографии в именах существительных единственного и множественного числа, отвечающих на вопросы *м и л а?* — кто? *х I у н?* — что? и оканчивающихся на ясный (долгий) «и», писали *ий*: *сений* — передняя, *хIурий* — осетин, *иллий* — песня; теперь пишется в единственном числе *и*, а во множественном числе *ий*.

Такое написание устанавливается потому, что *ий* является признаком множественного числа, а в старых написаниях часто не различалось единственное число от множественного.

Ныне интернационализмы и советизмы, которые усваиваются чеченским и ингушским языками и которые имеют актуально политическое значение, пишутся так, как в русском языке. Так, при латинице такие слова, как «машина», «книжка», «школа», «опыт» и другие, писали: *машен* или *машин*, *участка*, *книшка*, *школ*, *опит* и так далее; орфография устраняет такое искажение слов. Но те слова, которые укоренились в чеченском языке, пишутся так, как произносятся, например:

яьшка — ящик,

самвар — самовар и т. д.

Окончания интернациональных существительных «ия», «ие», «ий» пишутся в чеченском письме через *и*:

предложени — предложение,

агитаци — агитация,

фамили — фамилия.

В терминах науки химии сохраняется русское окончание *ий*.

Также в отличие от старых написаний собственные имена, географические названия в именительном падеже единственного числа пишутся с сохранением русских окончаний: не *Испани*, *Франци*, *Москех*, *ХаркIех*, *Бельски*, как это писалось по-старому, а *Испания*, *Франция*, *Москва*, *Харьков*, *Бельская*.

Таковы были основные (далеко не все) изменения и дополнения, принятые в орфографиях, которые составлены были чеченской и ингушской комиссиями под председательством профессора Н. Ф. Яковлева в 1938 году.

На практическом опыте издательства, редакций газет и школ выяснено, что новые алфавиты и орфография вполне оправдали себя, хотя и в них имеются отдель-

ные недостатки (наличие в алфавите большого количества букв с двойным графическим начертанием, доходящим до 15, факультативное написание отдельных слов, не обозначение долготы гласных и дифтонгов и т. д.), но одно несомненно, что они явились значительным шагом вперед в деле развития чеченской и ингушской письменности и сближения их между собой, то есть в деле формирования чеченского и ингушского литературных письменных языков.

VII. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Недостаточная разработанность терминологии на данном этапе в значительной мере снижает темпы развития чечено-ингушской литературы и письменности.

В данное время вопрос развития чеченского и ингушского литературного языков является актуальнейшей проблемой и занимает большое место в социалистическом культурном строительстве республики.

Дело в том, что социалистическое строительство Чечено-Ингушетии, развитие промышленности, сельского хозяйства, развитие и рост школ, культурных очагов — все это вызывает огромную потребность во многих новых терминах из самых различных отраслей человеческих знаний, вызывает потребность в терминах для обозначения новых понятий, появившихся и появляющихся в связи с успехами социалистического строительства. Здесь речь идет не только о внедрении интернациональных терминов, но и о развитии самого чеченского языка, о разработке терминов при использовании средств родного языка. Богатство каждого языка заключается именно в том, что он способен непрерывно и быстро развиваться и расти при благоприятных условиях. Этот рост и развитие идет за счет развития собственных ресурсов, развития изнутри, в данном случае такое развитие идет за счет освоения литературным языком всего богатства, всех диалектов чеченского и ингушского языков. Так, например, в речи ингушей есть слова, которых нет в чеченских диалектах, и наоборот. Например, у чеченцев отсутствует слово для обозначения понятия «подруги», хотя, конечно, само понятие существует. В чеченском языке понятия «*друг*» и «*подруга*» передаются одним

словом *доттагI*. Если нужно подчеркнуть, что речь идет о мужчине или о женщине, то делается это описательно, тогда как в ингушском «друг» — *доттагI*, а «подруга» — *наьша*. В свою очередь, ингуши не знают термина *халкъ* — народ. Они для обозначения этого понятия употребляют слово *нах* — люди или *къам* — национальность. Почему бы в ингушской речи не употреблять слово *халкъ*, тем более, что оно начинает проникать в ингушскую среду?

Таким образом, используя лексическое богатство диалектов, мы добиваемся развития и обогащения литературного языка. Правда, при этом не следует забывать, что язык не должен засоряться различными архаичными элементами. Нужно использовать ту лексику диалектов, которая по форме и содержанию нам нужна. Но, с другой стороны, нельзя незнакомые или малознакомые слова и термины причислять к архаизмам и чинить препятствия проникновению их в литературный язык.

Следует учитывать также, что каждый язык обогащается путем изменения значения уже существующих слов, так как значения слов могут расширяться или сужаться. До Октябрьской революции в чеченском языке слово *генаш* выражало только одно понятие — «ветви дерева», теперь же этим словом передают понятие «отрасль» (отрасль народного хозяйства); выражение *заа даккхар* или *заа тохар* имело смысл «цвести, расцвести» в отношении растения, а теперь обозначает расцвет вообще (расцвет промышленности, культуры и т. д.). Подобное расширение значения слов обогащает язык, вырабатывает новое значение.

Что касается усвоения лексики из других языков, то оно имеет тем большее значение, чем больше народ выходит из былой экономической замкнутости, чем больше народ экономически и культурно развивается.

Нужно помнить при этом, что литературный язык и письменность в советских условиях создаются не для избранного меньшинства (как это было с языком арабистов), а для всего чечено-ингушского народа. Поэтому литературный язык должен быть близким, понятным массам. Загромождение языка лексикой, непонятной народу, недопустимо. Это, конечно, не значит, что языковую культуру масс не надо поднимать, но литературный язык нельзя отрывать от народного языка.

В настоящий период, когда Чечено-Ингушетия вместе со всеми народами Советского Союза под руководством Коммунистической партии строит коммунизм, когда о былой замкнутости ее не может быть и речи, в язык колхозника и рабочего во множестве проникают новые слова и выражения. Достаточно послушать речь колхозника-активиста, рабочего. В нее вошли интернационализмы и советизмы, усвоенные из русского языка и через русский язык: *коммунист, комсомол, партия, актив, агитация, культура, совет, собрание* и т. д.

Арабисты в свое время старались всячески внедрять в чеченский и ингушский языки арабскую терминологию, искусственно приостанавливая развитие самого чечено-ингушского национального языка.

Другие всячески искажали тексты переводов, избегали введения в язык интернациональной терминологии, а также советизмов.

Те слова, которые могли очень легко переводиться на родной язык, оставались без перевода, и наоборот, те термины, правильный смысл которых трудно было передать средствами родного языка, переводились и тем искажался смысл их. Такое слово, как «ударник», переводилось через *хлайттархо*, хотя масса всегда говорила *ударник*. Аналогичное явление и со словом «комбайн». Оно переводилось *клаорумашен*, что значит «машина, которая молотит пшеницу». Такой перевод не выражал полного понятия комбайна. Такие «переводы», с одной стороны, на деле приводили к разрыву между языком масс и языком литературы, а с другой, — искажали значение терминов.

Подобными действиями некоторые переводчики и работники издательств создавали искусственный язык, язык кабинетный, оторванный от масс.

Несмотря на то, что многие слова (советизмы) давно были усвоены и составляли достояние широких масс Чечено-Ингушетии, они не вводились в литературный язык отдельными переводчиками, задержка прилива подобных слов в чеченскую и ингушскую литературу была глубоко ошибочна.

Большим недостатком является то, что до самого последнего времени мы не имеем ни одного словаря, ни одной работы по чеченскому и ингушскому языкам, которая

могла бы служить правильным руководством и критерием в области словотворчества и обогащения языка путем усвоения интернациональной терминологии. Отсутствие единообразия в употреблении терминов затрудняет понимание их значения.

До сих пор в газете «Ленинан некъ» употребляются одни термины, а в переводной политической и художественной литературе и в газете «Сердало» — другие.

Существующий терминологический разнобой — недопустимое явление, а поэтому необходимо немедленно заняться составлением словарей, в первую очередь словаря общественно-политической терминологии, что положит конец этому ненормальному явлению.

Так, в газете «Ленинан некъ» — «профсоюзы», «конфликт» и другие подобные термины не переводились, что и было правильно, а в переводной литературе переводили через *кормут союзыш, дов* и т. п.

В газете «Ленинан некъ» раньше зачастую неправильно употреблялись названия городов, географических местностей, названия заводов и т. д. Так, были случаи в прошлом, когда *Новая Земля* переводилась *Керла Латта*, а *Кривой Рог* — *Гома МаI*.

Необходимо названия городов, географические местности, названия крупных известных заводов, фабрик, совхозов оставлять без перевода.

Мы уже говорили, что развитие языка происходит не только путем усвоения ими лексики из других языков, но и путем образования ее, лексики, из средств родного языка.

В переводной работе не следует избегать расширения значения самих слов.

Совершенно новым поворотом в области истории и развития чечено-ингушского литературного языка и, в частности, терминологии явился перевод марксистско-ленинской литературы на чеченский и ингушский языки. Перевод этой литературы обогащает наш язык. С одной стороны, он очень обогатил чеченский и ингушский языки советизмами и интернациональной международной, научно-философской терминологией, а с другой стороны, дал право гражданства и тем словам, которые до сих пор фактически бытовали в речи, но в письменном языке не употреблялись, потому что якобы они архаизмы.

Переводы марксистско-ленинской литературы явились поворотом в терминологической работе. Множество терминов получило апробацию, чем не только обогащен письменный язык, но и достигнуто единство в употреблении терминов, вошедших в эти капитальные труды.

В результате этих переводов марксистско-ленинской литературы в чеченский и ингушский языки вливается масса интернациональных слов. Особенно обогащает чечено-ингушский язык научно-философская терминология.

Так, уже совершенно ново звучат слова: «становление», «познание», «противоречие», «объективная реальность», «свойство», «физическое тело», «взаимодействие» и много других. Все эти слова в их философском значении стали понятными чеченцам и ингушам, хотя они и не употреблялись раньше в том значении.

Например, слова: *голос протеста (дубхлонан аз)*, *политические взгляды (политически хъежамаш)*, *ряд требований (цхъа могла лехамаш)*, *выступления на съезде (съездехъ юкъа бовлар)*, *армия интеллигенции (интеллигенцин эскар)*, *влияние (лаам)* и т. д. Такое употребление приведенных слов и выражений является новым, но оно соответствует языковым особенностям.

Уточняются многие термины. Так, слово «масса» до последнего времени во всех случаях раньше переводилось через *халкъ* — народ. Практика перевода показала, что слово «масса» в некоторых случаях должно оставаться без перевода, например в предложениях «массовые стачки», «массовая революционная работа» и т. д. Также расширено значение слова *кхоллар* — буквально «творить», мистический оттенок этого слова потерян. Ныне оно в зависимости от контекста речи может значить и «творить» и «создавать».

Таким образом, перевод марксистско-ленинской литературы на чеченский и ингушский языки является целым этапом в развитии чеченского и ингушского письменных литературных языков, которые развивают и обогащают чеченский и ингушский языки интернациональной, политической, научно-философской терминологией.

Ближайшая задача работников просвещения и научно-исследовательского института — включиться в составление терминологического словаря, которым могли бы пользоваться переводчики, работники издательства, что приведет к единству всю терминологию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX съезд Коммунистической партии наметил большие задачи в области развития национальных культур. Он является новым этапом в развитии культуры и экономики всех народов Советского Союза, в частности чечено-ингушского народа.

Под руководством Коммунистической партии Советского Союза и с помощью русского народа создаются широкие возможности быстрого экономического и духовного развития, строительства и расцвета культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Этому всемерно будет способствовать ленинская политика дружбы и братства между различными народами нашей страны.

Чеченская и ингушская письменности, являясь детищем Октября, имеют большие перспективы в своем развитии. Литературные языки и письменности будут развиваться на базе использования богатств всех диалектов чеченского и ингушского языков, а также за счет обогащения интернациональной терминологией.

В ближайшее время, несмотря на то, что чеченский и ингушский алфавиты и орфографии являются в основном удовлетворительными, перед работниками культуры и научно-исследовательского института истории, языка и литературы стоит вопрос об уточнении и внесении некоторых поправок, которые бы улучшили и нормировали чеченский и ингушский письменные языки на основе языков народных масс.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Письменные памятники Чечено-Ингушетии	11
II. П. К. Услар и его школа	21
III. Арабская письменность	41
IV. Латинизация чечено-ингушской письменности	51
V. Унификация чечено-ингушской письменности	61
VI. Новый чечено-ингушский алфавит и некоторые вопросы орфографии	72
VII. Некоторые вопросы чечено-ингушской терминологии	81
Заключение	86